



Лев Пучков Блокпост

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133287
Блокпост: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-08471-5, 5-699-08471-1*

Аннотация

Такие, как он, в плен просто так не сдаются. И если сейчас командир группы спецназа Иван Андреев гремит кандалами в хибаре где-то в горах Кавказа, значит, так надо. Словно тигр в клетке, ходит он из угла в угол под неусыпным надзором «индейцев», а проще – бандитов-горцев. Он еще не знает, что впереди у него испытания пострашнее плена и противники, по сравнению с которыми «индейцы» – просто дети. Но пока медленно течет время и все туже сжимается пружина, чтобы в нужный момент развернуться с сокрушительной силой.

Также издавалось под названиями «Тигр в камуфляже», «Охотник за черепами».

Содержание

Часть I	4
Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лев Пучков

Блокпост

Часть I

В праве на память – отказать

Пролог

– Обба-ба-утта! Ваа-хикка-алк-утта! Обба-ба... – негромко причитает шаман, макая метелку из сухих трав в грязную кастрюлю и опрыскивая пространство вокруг себя какой-то пахучей жидкостью. Раздаются едва слышимые удары бубна – раб Васька, сидя в углу хижины, ритмично постукивает разошедшей оленьей кожей по коленке и затуманенным взглядом ловит каждое движение хозяина, боясь упустить момент, когда потребуется лупить изо всей силы. Пока же стараться особо не следует – идет подготовка к обряду, а значит, нужно лишь обозначать ритм, чтобы хозяин мог соответствующим образом настроиться на ритуальный транс.

Посреди хижины располагается очаг, выложенный из грубых камней прямо на земляном полу, – сейчас он под завязку забит свежими сосновыми поленьями, щедро присыпанными сверху смолистыми ветками и сушеными травами. Васька зажег огонь минут пять назад – сырые деревяшки не успели еще заняться как следует и страшно чадят. Едкий белый дым, смешиваясь с пахучим фимиамом тлеющих трав и сосновых веток, нехотя возносится к прокопченному деревянному потолку, расплывается кудлатым облаком, которое неспешно ползет к приотворенной входной двери. Трубы в хижине нет – и не потому, что это слишком большая роскошь по здешним меркам. Для великого шамана вся Подкаменной, Нижней и Верхней Тунгуски поставить нормальную печку не проблема – денег хватит. Дело тут в другом. Сибирские таежные духи не любят печных труб – об этом с детства знает каждый тунгус. И хотя топить хижину по-черному очень неудобно и непрактично, шаман Тутол давно смирился с этим недостатком. Негоже служителю культа нарушать основные заповеди матери-тайги – не ровен час, обидятся духи и накажут отступника в назидание остальным чалдонам: не балуйте, ребята! Так что, пусть себе чадит очаг – хуже от этого никому не будет...

Полагаю, стоит на секунду прервать повествование и внести кое-какие коррективы – дабы с самых первых абзацев впечатлительные читатели не впадали в заблуждение и не путались в пространственно-временном континууме. На дворе стоит вторая половина последнего десятилетия двадцатого века. Последние годочки – вот-вот, и двадцать первый грянет. Помимо второй половины, на дворе стоит март месяц, не по-весеннему студень и неласковый – зима, старая косматая сволочь, не спешит сдаваться. А еще на дворе стоит – если выглянуть из маленького оконца кладовки, как раз видно – снегоход «Ямаха-3000», сверкающий под холодными лучами утреннего солнца ярко-желтыми боками и дымчатыми бликами тонированных стекол. На этом снегоходе полчаса назад прикатили в гости к Тутолу четверо с Большой земли – о-о-очень важные люди! Вернее сказать, не в гости, а по делу – проблемка у них, как раз из тех, что может разрешить только один Тутол. А еще вернее будет сказать, что прикатили трое. Четвертого они привезли с собой в стреноженном виде: он-то как раз и есть та самая проблемка, которую шаману предстоит разрешить – в обычном порядке.

Сейчас эти трое сидят на широкой скамье в почетном углу и внимательно наблюдают за процессом. Двое из них ужасно здоровы телесно – такие шкафчики, лепленные на заказ в одном цехе по производству бандитской плоти: каменные подбородки, саженные плечи, сантиметровая щетина на квадратных черепаках. Они даже одеты одинаково, в качественные кожаные куртки на меху и однообразные собольи шапки, которые держат сейчас на коленях. По всей видимости, то, что сейчас происходит, для них не в новинку: ребяташки лениво тарашатся на шамана и позевывают. Третий от них здорово отличается – это маленький толстый живчик лет сорока, одетый в дорогое кашемировое пальто. Его жесткие черные кудряшки непослушно выбиваются из-под смешного лисьего треуха, – видимо, дядя впопыхах схватил первую попавшуюся шапку, собираясь в тайгу. Кудряш заметно волнуется: он неотрывно следит за каждым движением Тутола и нервно вытирает вспотевшее лицо влажным носовым платком.

Четвертый «гость» лежит на приземистом топчане, сколоченном из листвяжных плах. Это крупный немолодой мужчина в богатом костюме, порванном в нескольких местах по швам, и некогда белоснежной сорочке явно иноземного происхождения. В настоящий момент сорочка насквозь пропитана потом, однако совсем не по причине высокой температуры: легкий парок от дыхания собравшихся свидетельствует о том, что в помещении ненамного теплее, чем на улице. Просто этот самый четвертый намертво привязан к топчану кожаными ремнями, рот его пока что залеплен скотчем, и вообще – он явно в курсе того, что с ним собираются делать. И это ему страшно не нравится.

– Обба-ба-утта! Ваа-хикка-алк-утта! Обба-ба... – продолжает свое шаман, разбрызгивая вокруг себя пахучее варево и все более погружаясь в состояние ритуального транса. Бубен негромко постукивает – раб следит за правой рукой хозяина. Как только тот бросит на пол кастрюлю и метелку, надо успеть подтащить к нему берестяной короб с инструментом, подать два предмета и успеть одним прыжком занять исходную позицию, продолжая долбить разошедшей кожей по коленке. Его место в процедуре строго определено, отклонений быть не может – иначе шаман превратит его в собаку. Так, по крайней мере, он говорит – будешь баловаться, сволочь, превращу в шелудивого пса. Будешь бегать в упряжке и жрать вонючую ворвань, пока не сдохнешь! Васька шаману верит – как можно сомневаться в правдивости такого большого колдуна? А потому и старается не упустить малейшего движения хозяина – не хочется бегать в упряжке...

– Что-то он мне не нравится, – негромко объявляет кашемировый. – Ну, обезьяна и обезьяна – смотреть противно... И грязный какой-то – фу! Еще занесет инфекцию, и окочурится наш... Тогда как? Вы такой вариант не предусмотрели?

– Не бойсь, братан, – хрипит один из «шкафов», тот, что постарше и помяснее. – Ты не смотри, что он такой стремный: дела делает – я те дам! Мы ж не первый год кантуемся – ни разу еще не подставил. Правда, до того тупые получают эти – ну, которые того... короче, я те дам!

– Ну-ну, посмотрим, – недовольно бормочет кашемировый кудряш. – Если только все выйдет, это будет последний раз, когда вы... когда мы к нему обратились.

– Не понял, – удивляется старший «шкаф». – Почему так?

– Больно дорогой пациент, – поясняет кудряш, кивая в сторону распростертого на топчане пленника. – Нам уже не нужно будет никаких услуг подобного рода... ну, если все получится, конечно, – и суеверно сплевывает три раза через левое плечо.

Общаются они тихо, однако их разговор слышит посторонний. Он сидит за стенкой, в небольшом чулане и тоже наблюдает за процедурой. В стене чулана просверлены два отверстия – в одно вставлен объектив видеокамеры, бесстрастно фиксирующей ход событий, а ко второму посторонний периодически прижимает бесцветный глаз – смотрит. Этот небольшого росточка худосочный мужчинка с крупной плешивой головой не в первый раз при-

сутствует при свершении древнего обряда и достаточно хорошо изучил ритуал. Поэтому он рассеянно наблюдает за ним, вовсе не рассчитывая почерпнуть для себя что-то новое, и мимолетно рассматривает «инвентарь», хранящийся в чулане. Кое-что из этих «аксессуаров» явно не соответствует рангу скромного шамана. Хотя бы эти связки выделанных собольих и норковых шкур, подвешенные к притолоке... По беглым подсчетам, их тут сотни три, не меньше. На стальных крючьях висят куски хорошо прокопченного мяса – что-то около центнера в общей сложности. И довершает коллекцию целый набор огнестрельного оружия: два карабина «Лось», «тулка» – вертикалка и совсем уж неуместный в прибежище древнего культа новехонький «ремингтон» со скользящим затвором. А, и еще рюкзак с патронами. Ай как нехорошо... Шаману не полагается есть мясо «детей» леса и тундры. Шаману не нужны ружья. Да и шкуры, по идее, он тоже не должен хранить у себя. Все, что приносят ему «прихожане», он должен добросовестно отдавать лесным духам – тут же, во время обряда, сжигать на костре, принося в жертву. А духи, в свою очередь, дают ему все, что требуется для отправления культа и существования на этой земле, и защищают от любых напастей. Об этом знает каждый тунгус, чукча, эвен... Шаман – это не просто кусок человеческой плоти, наделенный разумом и эмоциями. Это служитель культа, и он должен быть непорочен и свят – так полагается. Однако Тутол, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, оказался обычным человеком со всеми присущими ему слабостями и потребностями, правда, очень хитрым человеком. Посторонний гостит у шамана уже почти полтора месяца: прикинувшись профессором, собирающим народный фольклор, он всесторонне исследует прикладные аспекты некоторых реликтовых отправлений специфического характера. За это время «профессор» тщательно изучил не только то, что его интересует в первую очередь, но и детали быта аборигенского божка. Тутол привык к нему и не стесняется: «профессор» умеет расположить к себе особой определенного типа, как раз того, к разряду которых относится шаман. Впрочем, это легко объяснимо: посторонний действительно профессор. Только к фольклору он не имеет никакого отношения – это ширма. Посторонний – профессор медицины. А еще он очень осторожный и мнительный тип – судьба-злодейка приучила в любой момент быть готовым к неожиданностям. В том числе и малоприятным. Последняя фраза разговора кудрявого со старшим бандитом почему-то профессору страшно не понравилась. Недовольно нахмурившись, он с тревогой огляделся по сторонам, и взгляд его остановился на симпатичном «ремингтоне»...

– Обба-ба-утта! Ваа-хикка-алк-утта! Обба-ба... – Шаман, как заведенный, макает в кастрюлю свою метелку и опрыскивает все вокруг. У Тутола удивительно чуткий слух – он прекрасно слышит все, о чем говорят гости. И он не обижается – пусть себе болтают, невежественные дети асфальта, что в голову взбредет. Лишь бы деньги хорошие давали. Сам-то он, разумеется, не считает себя обезьяной – он великий хамненган, равного которому нет на тысячи верст вокруг. Искусство его такое же древнее, как и сам культ шаманства, уходящий корнями в непроглядную мглу веков. Долгими зимними вечерами смотрит шаман телевизор – есть у него в кладовке, портативный, со спутниковой антенной, работает от бензинового «дырчика» – так что знает, как люди живут в других местах. Так вот, в других местах никто не умеет делать то, что без особого труда делает Тутол. Со всех концов тайги к нему везут бесполезных людей: то ленивые, то буйные, а то попадаются такие злобные – похлеще лесного духа Тумбуя, что ночами забирается в чумы и похищает маленьких детей – жрать хочет. По просьбе лесных жителей Тутол делает из некачественных людей мункху – послушных воле хозяина рабов, которые не знают усталости и болезней. А еще они не могут вынашивать злых мыслей против окружающих, потому что у мункху вообще нет никаких мыслей. Искусство это передается из поколения в поколение, и лесной народ пользуется им и поклоняется шаманам за столь полезное благодеяние. А в последнее время стали частенько приезжать белые люди, из города. У них там тоже навалом некачественных. Тутолу все равно –

они платят хорошие деньги за мункху – пусть себе на здоровье таскают сколько влезет. И не так уж важно, что те, кого к нему привозят, все больше здоровые и холеные ребята – это его не касается. Это их, городские проблемы. Шаман никого не убивает, нет на нем греха. Что же до мункху, то он живет дольше, чем обычный человек, потому как гнев и ярость не точат его организм, а всякие болезни обходят стороной. Так что... И еще – искусство Тутола, как оказалось, это народный фольклор и самобытное творчество, и это очень интересует солидных белых людей с Большой земли. Вот уже полтора месяца здесь живет большой профессор, который прикатил специально, чтобы познакомиться с шаманом и написать про него книгу. И сейчас, поди, сидит в кладовке, снимает работу шамана на пленку. Может быть, скоро про него покажут передачу по телевизору...

– Обба-ба-утта! Ваа-хикка-алк-утта! Обба-ба... – Шаман бросает на пол кастрюлю с метелкой, срывает с лица распростертого на топчане мужика скотч и одновременно протягивает в сторону правую руку ладонью кверху. Раб подхватывает небольшой короб с инвентарем и, похлопывая бубном по голове, стремительно мчится к хозяину. Гости невольно улыбаются – со стороны Васькина поспешность кажется весьма комичной. Раб не обращает внимания – это не гостей превратят в собаку в случае какой-либо оплошности, а его. В протянутую руку хозяина он вкладывает берестяную воронку и тут же достает из короба пузырек размером с чернильницу, выточенный из кости какого-то большого животного. Тутол ловко вставляет воронку в освободившиеся уста пленника, одним движением большого пальца откупоривает «чернильницу» и вытряхивает ее содержимое в воронку. Мужчина на топчане пытается сопротивляться – яростно мычит и страшно напрягает дородное тело, силясь освободиться от пут. Однако тщетно – шаман знает свое дело. Продолжая вдавливать воронку в разверстый рот лежащего, он бросает «чернильницу» в короб и зажимает грязными пальцами нос жертвы. Несчастный рвется, как раненый зверь, на лбу его от напряжения вздуваются вены. Если бы энергия взгляда имела реальные физические параметры, шаман давно бы уже обуглился или вовсе разложился на атомы – бешеный взгляд поверженного жжет его морщинистое лицо огнем лютой ненависти и невыразимой душевной муки. Но Тутолу глубоко плевать на взгляды – он внимательно следит за кадыком своей жертвы и тонко ухмыляется одними губами. Сколько вас уже прошло через этот топчан – и всегда одно и то же. Дурак ты, парень! Тебе все равно нужно дышать. А чтобы дышать, придется эту гадость проглотить – по-другому никак... Наконец пленник не выдерживает: кадык его судорожно дергается и несколько раз подскакивает к подбородку. Готово.

Раб стремительно удаляется на свое место и продолжает отбивать ритм, теперь опять используя в качестве объекта взаимодействия со старой растрескавшейся кожей бубна свою коленку. Шаман некоторое время ждет, возобновляя свое негромкое «...обба-ба...», потом достает из короба инструмент и раскладывает в изголовье топчана. Наконец приговоренный закатывает глаза и перестает подавать видимые признаки жизни. Тутол оттягивает его веко, заглядывает в безжизненный зрачок и, удовлетворенно кивнув, берет старую опасную бритву с истончившимся от долгого пользования лезвием. Несколькими уверенными взмахами он удаляет волосы на передней левой четверти черепа жертвы, откладывает бритву в сторону и берет остро отточенное долото с костяной ручкой и небольшую киянку, сработанную из лиственницы.

– Черт!!! Черт... А он точно знает, что делает? – тихо шепчет кудряш, в бесчисленный раз вытирая промокшим платком внезапно побледневшее лицо. – У меня создается такое впечатление, что... в общем, мне кажется, что это отъявленный шарлатан... А?

– Не мешай, – досадливо отмахивается старший «шкаф». – Смотри, сейчас самое интересное начнется...

Приставив острие долота под небольшим углом к черепу жертвы, Тутол наносит несколько точных ударов киянкой. Раздается неприятный хруст, от которого гости син-

хронно морщатся, из образовавшегося подковообразного отверстия во все стороны брызжет кровь вперемешку с какой-то жидкостью – сначала обильно, затем, спустя буквально две секунды, медленно высачивающимися сгустками. Шаман ловко поддевает кость и с видимым усилием вводит в отверстие отшлифованную палочку, на которой нанесены какие-то метки. Васька тотчас меняет ритм – теперь бубен стучит часто и тревожно. Загнав костяную палку до шестой метки, Тутол начинает читать заклинание. Вслушиваясь в эту тарабарщину, никто из гостей даже не пытается изобразить саркастическую ухмылку – они немигающе смотрят на старую желтую кость, кощунственно вторгшуюся в святая святых человеческого разума. Переживают. Шаман внутренне ухмыляется. Он прекрасно знает, что заклинание само по себе не имеет никакой силы и в строгой последовательности ритуала выполняет сугубо утилитарные функции: отсчет времени. Как только будет произнесено последнее слово, нужно быстро извлечь костяную палку, иначе вместо мункху получится обыкновенный дурачок. Тутол мог бы попросту пользоваться секундомером, он неоднократно засекал время, необходимое для наступления необратимых процессов, и с точностью до сотой доли секунды высчитал нужный период. Но... без заклинания не будет такого ошеломляющего впечатления. И потом – кто его знает, а вдруг какие-то духи и правда сверху наблюдают за действием? Так что пусть все будет по-прежнему: положено заклинание – получите...

Курчавый гость внезапно закатывает глаза и мягким кулем сползает с лавки. Бандиты, тихо чертыхаясь, подхватывают его и начинают приводить в чувство. Шаман, не моргнув глазом, дочитывает заклинание, резко выдергивает костяную палку и, надавив ею на вскрытый участок черепной кости, обильно поливает рану каким-то тягучим составом из небольшой берестяной бутылки. Соединяясь с кровью, состав пенится и шипит, затем, спустя несколько секунд, застывает, образуя твердую желтоватую корку, похожую на янтарь. Тутол вновь оттягивает веко жертвы и долго изучает зрачок.

– Готово, однако, – флегматично объявляет он курчавому, успевшему прийти в себя и хватающему ртом воздух наподобие большой рыбины, выброшенной на сушу. – Можно забирать.

– Что... уже все? – «Кашемировый» болезненно морщится. – И никаких... никаких транквилизаторов, антибиотиков... А?

– Две луны надо лежать, – терпеливо поясняет Тутол, словно не расслышав его вопроса, и для убедительности тычет пальцем вверх. – Башка совсем заживет – можно работать выгонять. Они знают. – Он кивает в сторону бандитов. Те подтверждают слова шамана, дружно кивнув квадратными черепами.

– Выходит, ничего ему колоть-вводить не надо... И он гарантированно не умрет? – Курчавый, похоже, все еще сомневается. – Верно?

– Да все нормально, братан, че ты переживаешь! – досадливо восклицает старший бандит. – Мы обо всем в курсе – как и чего. Никто еще не помер – проверено неоднократно! Я тебе отвечаю – все будет тип-топ.

– Очень хорошо, – соглашается наконец курчавый и, смущенно крякнув, показывает пальцем на Тутола и его раба: – Давай... пристрелите этих.

– Не понял! – удивляется старший. – Ты че, в натуре – совсем? А дырки кто потом будет вертеть – ты?

– Шутит, – успокаивает его младший «шкаф». – Хорош прикалываться, рассчитайся с ним, и покатили. А то жрать уже охота.

Тутол улыбается. Гость набрался впечатлений и слегка переутомился от переживаний – эвон как нехорошо шутит. Надо забрать деньги и выпроводить его на свежий воздух, а то еще начнет буяннить – такие случаи бывали.

– Они – свидетели. – Курчавый вновь тычет пальцем в сторону Тутола и Васьки. – А этот тип стоит такие бабки, – он переводит палец в сторону распростертого на топчане

мужчины, – что вам и в самых смелых мечтах привидеться не могут. Получив их, мы уберем его, и все будет шито-крыто... А если его клан каким-то образом узнает, что с ним случилось на самом деле, всех нас будут очень долго распиливать на части. И не только нас... Кто поручится, что шаман не расскажет об этом случае, когда его начнут активно допрашивать умелые ребята? А в том, что они будут искать со всевозможным пристрастием, я ни капельки не сомневаюсь... Так что, ребята, делайте выводы.

Немного подумав, «шкафы» синхронно вытаскивают из плечевой кобуры пистолеты. Старший, нахмурясь, укоризненно пеняет «кашемировому»:

– А че ж ты раньше не сказал? Мы-то думали – обыкновенный лох, ну, фирмач там какой...

Тутол перестает улыбаться – бандиты медленно, как бы нехотя, поднимают стволы и целятся: старший в него, тот, что помладше, – в Ваську.

– Я никому не скажу, – бормочет шаман помертвевшими губами. – Клянусь всеми духами тайги – никому!

– Извини, дед, так получилось, – сокрушенно бормочет старший, взводя большим пальцем курок. – Ей-богу, вот так вот – не хотели... – Выстрелы получаются неожиданно громкими – пистолету положено стрелять гораздо тише. На глазах изумленного шамана бандитов отбрасывает назад – из огромных ран на груди хлещет кровь. Такие раны делает в теле большого зверя его «ремингтон», заряженный специальными патронами, на пулях которых Васька делает надфилем крестообразные надрезы. Только при чем здесь «ремингтон»?

– Хороший ствол, – замечает профессор, входя в хижину. Из ствола «ремингтона» в его руках струится легкий дымок. – Однако, дядька, я тебе жизнь спас... Давайте грузите зомби в снегоход и быстро собирайте шмотки – надо отсюда сваливать. А я пока с этим фруктом потолкую. – Он приближается к трясущемуся от страха курчавому и приставляет ствол к его лбу.

– Ну-ка, соколик, расскажи, что это за зверь такой и с чем его едят. – Профессор кивает на топчан, но, заметив, что Тутол застыл на месте в нерешительности, недовольно понукает его: – Я тебе что сказал, старый пердун? Хочешь еще немного пожить – собирайся, поедешь со мной. Я тебя спрячу и в обиду не дам. А ежели останешься – на тебя уже завтра красноярская братва охотиться будет. Ферштейн?

Тутол стряхивает оцепенение, дает команду Ваське – собрать самое необходимое – и начинает суетливо перемещаться по хижине, принимая участие в сборах. Проследив за движениями аборигенов, профессор удовлетворенно хмыкает и, оставив на трясущегося курчавого тяжелый взгляд, изрекает:

– Вот что, сокол... Ты, как сам понимаешь, не жилец. Но, если хочешь умереть быстро и безболезненно, расскажи-ка мне, что это за фрукт и как вы им собирались воспользоваться. И поживее, я тороплюсь...

Глава 1

Правый ус получился несимметричным. Припомнив о разности восприятия объекта в зависимости от перспективы, Иван отошел назад, посмотрел, запрокинув голову, – нет, заметно. Лениво чертыхнувшись, он промокнул рукавом выцветшей футболки вспотевший лоб, подковылял к стене и несколькими жирными штрихами подкорректировал оплошность: нарисовал вождю сплошные усы, щетинистые, что ваша обувная щетка, и хищно топорщащиеся во все стороны. Получилось довольно сносно, только теперь Отец Народов отчего-то стал похож на хрестоматийного героя Джигарханяна из фильма «Собака на сене».

– Дюрер фуев, бля, – поругал себя Иван. – Веласкес, бля, недоделанный! Стоило с тебя за это наручники снимать... – и принялся методично выписывать детали сталинского френча, отгоняя надоедливых мух, липнущих к давно не мытому, пропотевшему насквозь телу, вполуха прислушиваясь к нездоровым шумам внутри хибары и вполсилы пытаюсь припомнить, а какие же, собственно, были усы у Великого Палача – сплошные или с разделом посередке?

Живопись была его тайной и неосуществленной мечтой. В школьные годы у него получались довольно недурственные пейзажи и портреты – портреты особенно. Но это было черт знает как давно – лет пятнадцать назад, в эпоху тотального энтузиазма, предшествовавшего Великому Развалу. Тогда симпатичный юноша Ванечка Андреев, на вид вполне половозрелый мужчина в свои шестнадцать с половиной, всей душой отдавался искусству, сутками пропадая в изостудии поселкового Дома пионеров, и на полном серьезе помышлял после школы втихаря удрать в Суриковское (папашка, узурпатор, хотел, чтобы сын непременно стал офицером, и слышать не желал о чем-либо другом!). Сверстники Ивана, все как один здоровенные мужланы с избытком тестостерона, возвращенные на экологически чистых сельских продуктах, уже давно пускали слюни на торчком стоявшие сиськи и мясистые ляжки своих сверстниц, активно дергались под Антонова на дискотеках, дрались с кем попало и под занавес задирали в ближайших кустах первую попавшуюся юбку. Ванечка же все свободное время пропадал в изостудии, до рези в глазах изошряясь в подборе палитры и углубленном изучении жизнеописаний классиков Возрождения и совершенно игнорируя похотливые взгляды и красноречивые вздохи руководительницы, вальяжной Зои Васильевны, недавно перешагнувшей бальзаковский рубеж и оттого, видимо, испытывающей страстное томление. Нет-нет, не подумайте плохого, Ванечка вовсе не был извращенцем-женоненавистником. В один прекрасный вечер он-таки отпробовал зрелой плоти наставницы, расположив оную плоть прямо на первом попавшемся столе студии и с разбегу лишив себя невинности. А все из-за Мережковского: хитрющая Зоя Васильевна притащила в студию первый том «Воскресших богов» и намекнула юному дарованию, что у него есть шанс получить книжицу только после жаркого сплетения тел. Сплетение состоялось незамедлительно, после чего Иван тут же схватил заветный том и, на ходу подтягивая штаны, удрал нах хаус. На неделю наш парень выпал из обстановки – ни с кем не общался, никуда не ходил и ел что попало. И в другой прекрасный вечер Ванечка дал себя уговорить – спустя неделю после утраты невинности. Ну, сами понимаете, на сей раз предметом торга стал второй том «Воскресших богов». Ударно поработав на столе, будущий Васнецов утащил книженцию и опять на неделю выпал. А еще через неделю выяснилось, что озабоченная дамочка оказалась недальновидной. Не догадалась в свое время обзавестись хорошей библиотекой, за что была сурово наказана: сладострастные стоны на столе более не тревожили своды изостудии.

– Некогда мне тут с вами фуйней страдать, Зоя Васильевна, – сурово заявил Ванечка, однозначно давая понять, что не намерен тратить силы на предмет, к великому искусству

никакого отношения не имеющий. – Найдете мне про Ван Дейка что-нибудь – тогда поговорим. А пока – не мешайте творить.

Спустя некоторое время под большим нажимом отца Иван все же поступил в военное училище и с тех пор живопись забросил. Служба съедала все время без остатка, не было возможности даже семьей обзавестись, не то что с мольбертом возиться. Отпуска в их среде было принято проводить сообща где-нибудь в шумных публичных местах типа санаториев и домов отдыха, непременно с разухабистой гульбою, обильными возлияниями, сопровождавшимися добротными драками и активным совокуплением со всем подряд женопоголовьем, которое годилось для этого и пребывало в радиусе поражения оборонительной гранаты. Сами понимаете – ни о каких занятиях живописью в такой обстановке говорить не приходилось.

Так вот и получилось, что впервые за последние полтора десятка лет Ивану удалось заняться любимым делом именно сейчас, в плену у горских бандитов без конкретной политико-социальной ориентации, в просторечии именуемых «индейцами». Лет пять назад он уже сживал у таких в заложниках, но тогда они «индейцами» не обзывались, да и рисовать там было негде и не на чем. А здесь – пожалуйста: хорошо беленная хибара из самана, куча разнокалиберных угольев из-под шашлыков, систематически употребляемых стражей, и плюс ко всему масса свободного времени, которое совершенно некуда девать. Правда, живописью это можно назвать с большущей натяжкой – скорее настенной росписью первобытного периода. Однако, как говорится, на безрыбье и рак рыба. С утра до ночи Иван на разные лады изгалялся над стенами хибары. Время летело быстро, часовые изыскам пленника не препятствовали, скорее наоборот. Вот позавчера он по заказу «индейцев» закончил портрет Президента на противоположной стене – те, обнаружив внешнее сходство с оригиналом, чрезвычайно обрадовались и с удовольствием метали в него ножи, пока на месте портрета не обнажилась свежая штукатурка. И вот теперь они с нетерпением ждут, когда же будет готов Отец Народов. Иван не особо торопится: пока что в хибаре вполне сносно можно ночевать, а что сделают эти одурманенные ребятишки со стеной при наличии портрета – черт его знает. Патологическая «любовь» горцев к Великому Пахану – факт общедоступный, а вот выдержит ли мягкий саман автоматные очереди – пока что неизвестно.

Так и не вспомнив, какой конфигурации были усы у Отца Народов, Иван оставил бесплодные попытки и мрачно ухмыльнулся, отметив краем глаза, как из-за угла хибары выскочил Антуан – один из его соратников по плену. Поддерживая одной рукой тяжеленные кандалы, парень подсеменил к живописцу и рухнул наземь рядом с ним, затравленно озираясь по сторонам. На лице молодого француза можно было прочесть крайнюю степень смятения.

– Что... опять? – мрачно поинтересовался Иван, с вялым любопытством прислушиваясь к приглушенным крикам, доносившимся из хибары. Уловив вопросительную интонацию, Антуан нечленораздельно затараторил по-французски, оживленно размахивая руками и корча отчаянные гримасы. – Да заткнись ты, сам слышу, – раздраженно оборвал его Иван. Француз смолк и с затаенной надеждой принялся поедать Иванов профиль скорбным взглядом, от усердия приложив к бровям ладонь – чтобы ярящееся июньское светило не мешало созерцать спасителя.

– Ну че уставился? – возмущался Иван. – Я ж тебе сказал русским языком, лягушатник ты фуев, – не тронут они тебя! Ты только держись около меня – и все будет нормально. Доступно?

Француз жалко улыбнулся и развел руками. Ничего, конечно, ему не было доступно из Ивановой тирады – однако же убедительность интонации подействовала успокаивающе. Внезапно упав ниц перед своим защитником, Антуан попытался облобызать его грязную щиколотку, распухшую от кандалов.

– Но-но, придурок! – прикрикнул Иван. – Этого еще не хватало! Что за нация, блин, чуть что, сразу в ноги... Сиди где стоишь и сопи себе в две дырочки. Иди вон, лучше углей мне притащи. – Живописец красноречиво потыкал пальцем на кучку углей перед собой и указал на дальний угол двора, где стоял мангал, наполненный свежими головешками. Подобострастно кивнув, Антуан подхватил цепь и направился к мангалу. Глядя ему вслед, Иван покачал головой и неодобрительно поморщился.

В хибаре между тем происходила очередная ежедневная гнусность. «Индейцы», курнув по обычаю после обеда анаши, хором пользовали Жюльена, третьего пленника. Послушав некоторое время звуковое сопровождение процесса, Иван сплюнул и перестал раскрашивать френч Вождя – настроение пропало. Подобрал неподъемную цепь кандалов, потащился к мангалу – помочь Антуану выбирать угли.

Жюльен, переводчик компании, в вопросах секса оказался подвержен творческому дуализму и предельной раскованности. Совмещая в холеном теле чувственность женщины и физиологию мужчины, этот зрелый француз, пресытись утехами обычного секса, не прочь был вкусить любви однополый – дабы пополнить коллекцию ощущений... По крайней мере, так он пытался объяснить причину своего поведения Ивану, жалуясь по ночам на судьбу-злодейку, и просил не презирать его за грехопадение.

– Может, у вас и так это называется, – не соглашался Иван. – А у нас это называется просто – педерастия. Ну да ты не переживай, пидер – он тоже человек. Только ведь пока освободят, они тебя задолбают вусмерть. Ежели каждый день будут в шесть смычков понужать...

В принципе Жюльену можно было и посочувствовать – он впервые угодил в такую ситуацию и даже отдаленно не представлял себе, что за типы эти самые «индейцы». Вот и пал жертвой собственной неосведомленности в первый же день пребывания в плену.

Тогда к ним зашел красавчик Махмуд – долговязый волоокий мужлан, с благородным носом и роскошной шевелюрой. Он был младшим братом главаря банды и командовал охранниками. Усевшись на нары между французами, Махмуд приобнял их за плечи и начал ласково склонять к разврату, обещая за это хорошую еду и свою благосклонность.

Молоденький Антуан, водитель компании, по-русски не понимал ни слова. Он настороженно хлопал глазами, следя за непристойными жестами долговязого горца, и периодически сбрасывал его лапу со своего плеча. Зато Жюльен моментально дал себя охмурить – начал жеманно похихикивать и намекать совратителю, что неплохо было бы побрызгаться дезодорантом, а уже потом в гости идти...

«Ох ты, педрила! – подумал тогда Иван. – А я-то гляжу – весь из себя гладкий такой, холеный, цветастый платочек на шее, блин... Вот ведь угораздило в компанию с пидером попасть!»

– Слышь, мальчик, отвали-ка со своими пидерскими приколами, – сурово заявил Иван после того, как Махмуд, беседуя с Жюльеном и вроде бы шутя, ущипнул Антуана за задницу и тот, покраснев, как рак, начал озираться по сторонам в поисках какого-нибудь тяжелого предмета для защиты мужиковского достоинства. – А то скажу Артуру – огребешься пиз... лями по самые уши. Вали давай!

– Твоей нэ трогает – сидит, малчат, бляд! – возмутился совратитель. – Я его насиловат нэ будит – сам хочит, значит, дает. Нэ хочит – ладна... – И тут же утащил Жюльена на улицу – подальше от бдительного ока сурового блюстителя нравов.

Слияние двух лун состоялось буквально через минуту – в небольшом вагончике, где жила охрана. Жюльен вручил Махмуду последний оставшийся у него презерватив, посоветовал воспользоваться вазелином и потребовал, чтобы совратитель как можно быстрее обзавелся необходимыми средствами контрацепции специальных кондиций – как раз для таких случаев. Махмуд за неимением вазелина воспользовался мылом, а презерватив проигнори-

ровал, несмотря на отчаянные протесты второй половины тандема. По окончании процесса он торжественно объявил:

– Тэпэр ти – общаковий пидер. Всэ будит ибат и в рот дават... – и тут же позвал остальных «индейцев». Ловкие ребята умело взнуздали отчаянно сопротивлявшегося француза, отжарили его в хоровом исполнении, а презерватив, как это принято у таких типов, надули, разрисовали единственной обнаружившейся ручкой и повесили у входа.

Теперь они каждый день развлекались с Жюльеном после обеда – заходили в хибару пленников, раскладывали несчастного на нарах и пользовали вшестером, нимало не смущаясь его явным нежеланием участвовать в процедуре подобного рода. К страданиям физического плана (в последнее время у Жюльена сильно болел задний проход, воспалившийся ввиду частой и не совсем правильной эксплуатации) присовокуплялись муки душевные: во-первых, он страшно переживал, что по собственной оплошности попал в такое унижительное положение, во-вторых, ужасно боялся СПИДа...

– Раньше надо было думать, – сурово обрывал его Иван всякий раз, как только тот начинал жаловаться на судьбу. – А то жопой думаете, а потом хнычете! Дуализм, бля! Чувственность, мать твою так! – А красавчика Махмуда, с явным равнодушием взиравшего на юного Антуана, сурово предупредил: – Ежели пацана кто тронет – кранздец. Считаю, то же самое будет, как если бы меня тронули... – после чего никто вроде бы не покушался на честь Антуана – по крайней мере, явных проявлений гомосексуального характера в его отношении не наблюдалось. Чуть позже вам станет понятно, отчего это «индейцы» не распространяли свои педерастические изыски на Ивана, пока же – пленникам пора обедать. «Индейцы» в полной мере насладились Жюльеновой плотью, покинули хибару и оставили там обычный гонорар за гомосексуальные услуги: оставшийся от собственного обеда шашлык и лаваш. Помимо этого, великодушный Махмуд наградил испуганно попятившегося при его приближении Антуана свернутым в трубочку «Плейбоем»:

– На, падрачи! Вечир Артур приезжат – новий привазит.

Недоуменно пожав плечами, Антуан вопросительно посмотрел на Ивана. Тот отнял журнал, пролистал его, хмыкнул и не стал выбрасывать:

– Пусть будет. Может, действительно – подрочим как-нибудь, на досуге...

Вяло пожевав жесткое мясо и сыроватую лепешку с барского стола, пленники завалились подремать на оскверненный топчан: послеобеденная жара вполне к тому располагала. Французы моментально захрапели: Жюльен устал от переживаний и чрезмерной нагрузки, а юный Антуан вообще здоров был поспать – независимо от обстоятельств. Иван обнаружил довольно солидный чинарик, оставшийся от только что отзвучавшей оргии, и тщательно исследовал его: в «козьей ножке» была вполне приличная порция «шалы»¹. Тихо порадовавшись такому подарку судьбы, Иван извлек из кармана спичинку, огрызок коробка и через пять секунд уже вовсю наслаждался сладковатым приторным дымком, отвлеченно размышляя о проблемах насущных.

Сегодня одиннадцатый день их пребывания в плену. Срок вроде бы и незначительный – по обычным меркам. Одиннадцать дней в комфортабельной квартире с душем и хорошей пищей – это где-то далеко, в другом измерении. И чтобы понять разницу между этими двумя измерениями, недостаточно пообщаться с теми, кто был в плену, или посмотреть кадры видеохроники. Нужно все испытать самому: потаскать тяжеленные колодки, которые неизменно натирают щиколотки – до инфицированных ран; питаться объедками со стола охраны; страдать от жары днем и замерзать на вонючих досках топчана по ночам; не мыться; клянуть у охранников лишний глоток воды – перечислять можно долго. Но самое главное – это страх. И еще – унижительное чувство полнейшей собственной беспомощности. Физические

¹ В местном диалекте – то же, что и анаша (жарг.).

неудобства еще можно как-то вытерпеть, а вот страх и унижение вытерпеть очень трудно. Конечно, человек ко всему привыкает, это факт общеизвестный. Только для привыкания потребен определенный период, в течение которого прежние установки полноценно трансформируются в новые. А если тебе два десятка лет вдалбливали, что человек – это звучит гордо, а потом еще с десятков лет формировали психологию пса войны, смысл существования которого заключается в том, чтобы перехитрить, отловить и в конечном итоге загрызть врага любым способом, тут уж извините... За столь незначительный промежуток времени практически невозможно свыкнуться с мыслью, что этот самый враг, которого вроде бы надо грызть, гордо ходит рядом, помыкает тобой как хочет и в твоём присутствии безнаказанно творит невероятные мерзости. Именно поэтому вояки пуше адского пламени боятся плена и предпочитают ему героическую смерть на поле боя. Можно метко стрелять, вполне прилично руководить подразделением в бою – и тем самым заслужить репутацию бывалого бесстрашного воина. Но с достоинством вынести позор плена дано далеко не каждому. Это, если хотите, особый талант.

Иван как раз принадлежал к той немногочисленной категории, которая подобным талантом обладала. В плен он угодил второй раз в жизни и, как ни странно, шибко по этому поводу не переживал. Ну, угодил так угодил – что ж теперь... И что характерно – сейчас, как и впервые, он очутился здесь добровольно, никто его в бессознательном состоянии после контузии с поля боя не волок, и с госпитальной койки никто не стаскивал. Сам пошел.

– Счастье твое, капитан, что сейчас не сорок третий, – так пять лет назад высказался сквозь зубы старый особист, разбиравшийся с ним после первого пленения. – Вывел бы тебя, паскуду, на зады и грохнул к чертовой матери! И никакого суда!

– Зато пацанов сохранил, – невозмутимо возразил ему Иван. – Ты матерям их скажи, что я военный преступник. Матери их тебе в рожу плюнут, а мне в пояс поклонятся. Вот и рассуди, кто из нас прав...

– Солдат на то и солдат, чтобы сражаться и умирать с оружием в руках за родину! – желчно взвился особист. – Сохранил... Дурак ты, капитан... С таким мировоззрением далеко не уедешь, можешь мне поверить. Так капитаном на пенсию и выйдешь. Ежели, конечно, не угрошают раньше...

Отчасти он, конечно, был прав. В свои тридцать два Иван все еще оставался капитаном, командиром группы – то есть занимал одну из начальных офицерских должностей в структуре подразделений спецназа. Все его уцелевшие однокашники, которых не списали в расход из-за увечий, давненько уже обрели вполне приличные места под солнцем и пользовались солидной репутацией. Жизнь спецназовца – непрерывная война. А на войне людишки растут очень даже быстро. Некоторые Ивановы одногодки уже получили подполковников и полковников, а иные бросили войска и пошли в бандиты – там и работа полегче, и платят не в пример больше. Да и общественное положение бандита не идет ни в какое сравнение с резко упавшим за последние годы статусом офицера. Отряд, в котором служил Иван, возглавлял подполковник Т., в свое время учившийся с ним в одном училище, двумя курсами младше. Когда этот Т. пришел в спецназ зеленым лейтенантиком, Иван был уже командиром группы. Знакомые частенько пеняли ему на этот факт: вот, мол, все люди как люди, растут по графику, один ты непутевый. Он не обижался. Полагал, что каждому на роду написано жить именно так, а не иначе, и лениво передвигаясь (преимущественно на броне «бэтээра») по жизни, ждал, когда же настанет его звездный час. И не особенно расстраивался, что этим самым звездным часом пока что не пахло. Он прекрасно понимал, что виной всему был его скверный характер. Дважды наш герой сделал попытки жениться – но буквально через месяц жены сбегали от него, как говорится, с одним чемоданом. И не потому, что дурен собой был суженый или кондициями мужскими не вышел. Напротив, был Иван очень даже симпатичным малым: прекрасно сложен, крепко сшит, очами светел, бровями... как там, блин... ага

– союзен бровями, вот. Но характер... оторви да брось. Жена ему: «Сегодня, Ванечка, мы с тобой идем в гости к Жуковым – любилель там какой-то невыеименный», а Ванечка в ответ: «А в гробу я видал этот их любилель – у меня книга хорошая есть...» И как упрется на своем – хоть стой, хоть падай. В общем, так и не удосужился нормальной семьей обзавестись – перебивался случайными связями, что, как известно, отнюдь не лучшим образом влияет на формирование характера и небезопасно в физиологическом аспекте. Даже боевую кличку Иван имел под стать своим манерам – а клички в среде спецназа, как известно, даются чрезвычайно метко и абсолютно адекватны сущности индивида. Кличка была проста и незатейлива и досталась нашему герою от командира роты, который, отчаявшись в один прекрасный день переубедить своего подчиненного, в ярости вскричал: «Ну что ты уперся, как танк! Говорят ему – осади, сдай назад – так нет, рычит, ревет и продолжает напролом лезть... Танк ты и есть...»

Так и остался Иван по жизни Танком и, как ни странно, кличкой этой, не совсем уважительной и довольно двусмысленной для боевого офицера, дорожил. Мало того, всячески ее оправдывал, каждый раз подтверждая изначальную точность и справедливость характеристики командира. Пришла пора получать новую должность или звание, все идет как по-писанному, и всего-то нужно: пару раз улыбнуться подобострастно да вовремя задницей вильнуть. Так нет – то не того, кого можно, не туда, куда потребно посылает, то зверем глядит, когда скромно взор потупить надобно, а то и вовсе – не тому, кому следует, норовит по черепу зарядить, а порой, бывает, и ногой... В общем – как нарочно. Да что там говорить: танк, он и есть танк...

В этот плен Иван угодил, как говорится, по собственному желанию. Если пять лет назад, при первой сдаче в плен, сложилась критическая ситуация, когда от его решения зависела судьба десятка пацанов, то в данном случае ничего такого не было. Наверняка его боевые братья сидят сейчас где-нибудь в штабе группировки и в сердцах обзывают своенравного соратника самыми последними словами. И в общем-то есть за что...

Как и все нормальные пакости, эта история началась незаметно и как бы самопроизвольно, без чьих-либо потуг со стороны. Иван в тот день дежурил – возглавлял отделение сопровождения. Отделение сопровождения – это кучка смертников, которые гуляют на «бэт-ээре» или какой другой технике, помощнее, с различными членами и персонами высокого ранга, когда тем приспичит прошвырнуться по территории режима ЧП² или приграничной зоне. Почему смертников? Дело в том, что ратные людишки Кавказа – как боевики непримиримой оппозиции, так и просто неорганизованные «индейцы» – далеко не дебилы и знают толк в военном деле. Собственно на отделение сопровождения они покушаться ни в коем случае не станут: учены неоднократно горьким опытом и штопаной шкурой, что парни там тертые до невозможности и дерутся отчаянно. Так что, если отделение катит порожняком, бойцы могут дремать вполглаза – боевик десять раз подумает, прежде чем решится подставить задницу под пули только лишь из желания насладиться видом растерзанных трупов спецназовцев. Но если этой публике вдруг зандобился кто-то из членов или других шишек, которых охраняет отделение сопровождения, можете быть уверенными: операция по ликвидации или захвату нужной персоны будет обставлена по всем правилам военного искусства, с максимальным привлечением всех имеющихся сил и средств. То есть, чтобы свести на нуль процент риска, боевики выставят все, что имеют, самые симпатичные мины в самых неподходящих местах; многократно превосходящую живую силу: отделение снайперов с прикрытием и просто взвод головорезов, которые в первые десять секунд внезапного боя огненным шквалом гарантированно уничтожат все живое, что им противостоит. А потом осторожно

² Чрезвычайное положение.

приблизятся и неторопливо отпилят головы. На Кавказе всякая вещь чего-то стоит – испокон веков так заведено. Голова спецназовца тоже имеет определенную цену...

Итак, во главе отделения сопровождения Иван отвез в город очередного загулявшего члена и по приграничной дороге не спеша возвращался обратно, развернув башенные пулеметы в сторону демаркационной линии. Возвращение ознаменовалось эмоциональным подъемом: в городе набрали пива, всамделишной астраханской воблы и всю дорогу бесхитростно радовались жизни. Может, если бы не пиво, ничего бы и не случилось. Впрочем, если разобраться, пиво здесь ни при чем. Просто погода была нехорошая – жара, да и вообще весь тот день характеризовался целой цепочкой нарушений различных нормативных документов и требований командования...

– А ну, останови, Петро! – крикнул Иван водителю, почувствовав, как мочевой пузырь давит на нижний обрез разгрузки³, и обратив внимание, что члены экипажа испытывают ту же надобность, не рискуя, однако, беспокоить командира просьбами столь несерьезного характера. Машина приняла вправо и встала на обочине раздолбанного шоссе.

– Пересать, хлопцы, – добродушно скомандовал Иван, спрыгивая с брони и подавая пример. Таким образом, было допущено первое нарушение: ввиду близости к границе на этом участке шоссе категорически запрещалось останавливаться, а в случае поломки старший колонны обязан был немедленно доложить в штаб группировки, откуда тотчас же мчалось подкрепление.

– Слышь, командир, – в «зеленке»! – пробормотал вдруг Олег Настин по кличке Шифер, прекратив застегивать ширинку и каменя лицом. Бойцы мгновенно разобрались вокруг «бэтэра» и насторожили уши. Прапорщик Настин отличался феноменальным слухом и не раз выручал соратников в экстремальной ситуации, предупреждая о внезапной опасности. С полминуты напряженно прислушивались – ничего. Редколесье, до первой линии чахлых кустов – расстояние довольно приличное, на значительном протяжении шоссе хороший круговой обзор. Нет, засаду в таких местах не делают.

– Померещилось, – буркнул Иван, соображая, как поступить: прыгнуть на броню и рвать отсюда, как предписывает инструкция, или заглушить мотор и разобраться. – Хотя нет – тебе ведь никогда не мерещится... А ну, Петро, глуши мотор!

Машина пару раз чихнула и смолкла. В наступившей тишине прислушивались еще буквально с десятков секунд – и правда, из «зеленки» доносился звук, похожий на стон.

– Двое со мной, остальные на прикрытии! – распорядился Иван, решительно направляясь в сторону кустов. И это было второе за тот день нарушение: инструкция предписывала преодолевать опасные места на повышенной скорости и ни в коем случае не производить осмотр подозрительных участков силами отделения сопровождения. Для этих целей назначались иные силы и средства по специальному расчету.

Углубившись в лес метров на двадцать, Иван обнаружил пятидверную белую «Ниву» с тонированными стеклами, на капоте которой сиротливо болтался шелковый флажок Франции. В салоне лежали двое связанных мужиков, рты их были запечатаны здоровенными кусками скотча.

– Я тащусь, зеленый, как ты ныряешь... – растерянно пробормотал Иван, сдвигая набок косынку и пытаясь сообразить, каким образом сюда попала машина, – ни одной свежей колеи, отходящей от шоссе, в радиусе двухсот метров он не обнаружил.

– Когда подъезжали, была колея, – разрешил его сомнения здоровяк Коба – глаз номер один в отделении сопровождения. – Метров за триста пятьдесят отсюда. Однако, командир, вон тот чего-то хочет. Смотри, как вьется...

³ Разгрузочный жилет (жарг.).

Действительно, один из связанных, худощавый мужчина лет сорока, отчаянно извивался и выпускал громогласное мычание. В глазах его стояли слезы.

– Рассказывай, – разрешил Иван, срывая скотч. А бойцы тем временем острым тесаком сноровисто лишили пленников пут. Рассказа не получилось. Освобожденный худощавый моментально заблажил нечто нечленораздельное – по-русски он говорил из рук вон.

– Ну, тогда ты давай, – обратился Иван к седоватому крепышу средних лет, судя по виду, явно местному.

Крепыш, сезонный водила, лаконично сообщил: ездили в аэропорт встречать жену и падчерицу начальника. Начальник – вот он, управляющий филиалом французской компании, которая занимается строительством автодорог в республике. Колонны дожидаться не стали, решили на двух машинах по-быстрому проскочить в город. Ну вот и проскочили... По всей видимости, злодеи имели конкретную «наколку» – засада была организована удручающе грамотно. Захват произошел буквально за считанные секунды: на шоссе, откуда ни возьмись, выскочила бежевая «шестерка», из нее выскочили четверо оружных хлопцев в масках, а дальше – как обычно. Забрали принадлежащий компании джип «Чероки», забрали жену начальника и ее шестнадцатилетнюю дочь, для комплекта прихватили также водителя-француза, двоюродного брата управляющего, и переводчика – француза тож. А их вот запихнули в «Ниву», связали, залепили рты и умчались восвояси, оставив записку, в которой указывалось место, куда необходимо явиться для переговоров о выкупе. Вот она, записка.

– Я тащусь, зеленый... – растерянно повторил Иван, пробежал глазами мятый листок, на котором корявыми буквами было нацарапано: «З КПП – нитралка», и попросил парней: – Уберите-ка от меня этого, – кивнув на француза, пребывавшего явно в невменяемом состоянии: он отчаянно размахивал руками, беспрестанно цеплял Ивана за руку и в буквальном смысле орал в голос – вот-вот грызу надорвет.

«Этого» упаковали в «Ниву» и сели по бокам, прижав каменными плечами, а Иван продолжал собирать информацию.

– Ваши? – напористо спросил шофера. – Только не ври – прибью!

– Соседи! – истово поморгав, сообщил тот. – Клянусь Аллахом, соседи! Наши разве такой сделает?

– «Духи»⁴?

– «Индейцы», – компетентно заявил шофер. – Точно, э... «индейцы», бля буду!

– Будь, – разрешил Иван и не стал уточнять, отчего это он решил, что не «духи», а именно «индейцы» – каждый житель Пограничья легко различает эти две категории по целому ряду внешне неприметных признаков. – Когда они срулили? Время? Номера машины запомнили?

– Пятнадцать минут назад, – быстро сообщил водила, глянув на циферблат своих часов. – Точна – пятнадцать. Номр – нэт. Сабсэм нэт – бэз номр...

– Что-то ты мне не нравишься, груздь, – насупился Иван, вцепившись колючим взглядом в его бородатое лицо. – Какой-то ты весь из себя неконкретный... Соседи, говоришь? Ну-ну... Может, шлепнуть тебя без базара? Погода сегодня вполне располагает...

– Пачиму хочиш? – встревожился крепыш, нервно дернув заросшим кадыком. – Все, э, все сказал, бляд! Пачиму хочиш?!

– Часы тебе оставили... рожу не набили, чистый, – начал перечислять Иван. – Тачку не забрали – взяли только машину компании. Соседские «индейцы», значит, поехали на ту сторону. А по шоссе до границы с соседями стоят два наших блокпоста. Вот они прям щас все бросили и пошли пропускать кортеж с заложниками! И еще: в записке не указано время

⁴ Дурное наследие Афгана и РЧВ (русско-чеченской войны 1994—1996 гг.): всех организованных боевиков независимо от национальной принадлежности наши вояки на Кавказе обзывают «духами» (жарг.).

встречи. Пооди, погадай, когда заявляться к третьему КПП: через день, через месяц, через год? Это что значит, а?!

– Врэмя мало бил, – нашелся водила. – Он тарапыл... Патаму часы нэ брал, нэ бил... Он нэ асфалт ехал – грюнтовка на лес, э – точна грюнтовка! Гаварыл – как развяжжищ – прихады на КПП! Клянус Аллахом, э – так бил, э, точна так!!! Началныкь спраси!

– Грюнтовка, говоришь... – недоверчиво пробормотал Иван, окидывая его тяжелым взглядом. – Ладно, поглядим... Давай, выезжай на шоссе, там поговорим, – и трусцой припустил к дороге.

Пока общими усилиями вытаскивали «Ниву» из кустов и подгоняли к шоссе, Иван сидел на броне и изучал карту. Участок местности, на котором разворачивались события, он знал достаточно хорошо. Если этот мужик ничего не соврал и захватившие заложников «индейцы» действительно удрали по грюнтовке, выписывающей солидную петлю по приграничному лесу, им придется затратить на это сомнительное удовольствие их достать минимум часа полтора. Это раз. А грюнтовка здесь одна, и выходит она аккуратно на стык между блокпостом наших ВВ и КПП национальной гвардии соседей – своеобразную нейтральную полосу. Это два. Сообщить на блокпост? Авантюра. Грюнтовка выныривает из леса у самого КПП гвардейцев. Вряд ли наши сунутся на нейтральную полосу, да еще к самому КПП без веских оснований – тут пограничным конфликтом пахнет. А и сунутся – ну, как никто из леса не приедет? И тогда вся группировка будет говорить, что Танк – не Танк вовсе, а самый натуральный пи...бол, который чуть было не подставил пацанов с блокпоста! Нет, этот вариант отпадает...

– Слышь, Петро... местность тут больно пересеченная, – поделился Иван своими соображениями с водителем «бэтэера». – Ежели по буеракам ломанемся, твоя кляча вытянет под шестьдесят?

– А то! – горделиво приосанился Петро и тут же внес коррективы: – Токо вы, тыщ капитан, всю жопу отобьете. Ну, сами знаете, как оно – по колдоебинам... Кого-то ловим?

– Пока что думаем, – прищурившись, протянул Иван, наблюдая за телодвижениями возле «Нивы». – Думаем... Вот что... Смотри: за тем поворотом – грюнтовка. Пятнадцать минут, ну, пусть будет двадцать для верности, так вот – двадцать минут назад по ней урулили две тачки: шестерочный «жигуль» и джип «Чероки». Свернуть им негде – будут выписывать всю эту загогулину. А длина загогулины что-то около сорока кэмэ. Достанем?

– Они в колонне идут? – деловито уточнил Петро. – Или могут порознь?

– О как! – озадаченно крикнул Иван, забираясь повыше: «Нива» выехала на дорогу, худощавый француз тотчас же подбежал к «бэтээру» и попытался вцепиться в Иванову кроссовку, умоляюще размахивая руками. – Да отойди, ты, рахит! Щупальца убери! Браты, нука дайте ему спирта, а то от инфаркта помрет... Да-а-а, Петро, вот это ты задал задачу... Об этом я как-то не подумал... А ежели ориентироваться на «Чероки» – не достанем?

– Если новый – вряд ли, – сокрушенно вздохнул Петро. – Он и по колдоебинам – дай боже... Полгода назад мы гнали один такой по степи – наркоту, падла, вез... Ушел, гад.

– А если ориентироваться только на «шестерку»?

– Сто пудов достанем – и под шестьдесят держать не надо будет, – уверенно заявил Петро. – По таким ухабам она тащиться будет – как я пешком, когда непьяный...

– Очень приятно. – Иван в нерешительности почесал голову под косынкой. Француз послушно стоял рядом и со смертной тоской во взоре уставился на его грозный профиль. Бойцы успели чуть ли не насильно влить бедолаге полстакана спирта пополам с теплой водой из фляжки – эта процедура возымела некоторый положительный эффект.

– Вы не должен мой помогать, – довольно вразумительно произнес он и тут же виновато пожал плечами: – Террорист сказал: я сообщать полиция – он удаляет голова оба

фемина... – Несчастный опять не выдержал и затряс плечами, размазывая слезы по грязному лицу: – Вы – уходите! Немедленно! Я ехать на контрольный пункт!

– Тебя зовут-то как, паря? – ласково спросил Иван.

– Морис, – сквозь слезы пробормотал француз.

– Ну! А фамилия – часом, не Дрюон? – удивился подошедший к ним Шифер. – Родственник, что ль?

Француз вымученно улыбнулся и пожал плечами – в глазах его замерцал слабенький огонек надежды. Ловкие и лихие штукари на броне да при стволах, – чем черт не шутит, глядишь, и помогут...

– Короче, Морис, насчет полиции – это ты зря, – сообщил Иван. – Мы, конечно, не совсем полиция, однако... Короче – я тебе обещаю, что мы этих пиздронов⁵ достанем. И не хорони – рановато еще. Они, пиздроны, всегда грозятся головы отрезать. Дурная привычка... – И зычно крикнул: – Отделение – на броню! Заводи, Петро, – а местному водиле пояснил: – Поедем за супостатом. Хотите – догоняйте...

Через минуту «бэтээр» в хорошем темпе пылил по грунтовке, наподобие крейсера с разбегу ныряя в рытвины и ложбины, – десант так и подлетал, хватаясь за задницы. Белая «Нива» стойко держалась метрах в трехстах – судя по всему, запуганный Иваном водила забыл о своих рессорах. Таким образом, было допущено третье за тот злополучный день нарушение, состоящее, в свою очередь, из трех отклонений: а) отделение сопровождения свернуло с маршрута; б) на свой страх и риск приступило к преследованию банды; в) не поставило об этом в известность руководство...

⁵ Так у Ивана в части командир обзывает плохих людей – ну и, естественно, остальные тоже обезьянничают.

Глава 2

В необъятном кожаном кресле из дорогого кабинетного набора расслабленно полулежал мужик сорока восьми лет и вяло наслаждался жизнью. Принцип Алмазного Пути, который проповедовали некоторые апологеты Преподобного Муна, предписывал не жить просто так, подобно влекомой ветром соринке, а каждый день, час, каждую секунду наслаждаться житием – тогда время, отведенное тебе на этом свете, не будет потрачено даром. С некоторых пор мужик с большим вниманием прислушивался к различным учениям аналогичного толка и даже пытался им следовать – в тех аспектах, которые казались ему приемлемыми. Аспект, касающийся Алмазного Пути, вне всякого сомнения, был для мужика очень даже приемлем, а потому он старался неукоснительно ему следовать. В настоящий момент он наслаждался покоем и комфортом, а для полноты ощущений употреблял сочную черешню, попутно тренируясь в меткости: лениво надувал щеки и с шумом выплевывал косточки, стараясь попадать в мусорную корзину, расположенную в трех метрах прямо по курсу, между двумя аналогичными креслами из того же набора. Получалось довольно сносно – большая часть косточек попадала в корзину, громко ударяясь о пластмассовые стенки, и лишь незначительное количество ядрышек прилипало к шершавой коже кресел.

Если бы мужик встал и распрямился, можно было бы с легкостью определить, что от пола до макушки высота данного субъекта составляет что-то около метра пятидесяти с небольшим, голову он имеет обыкновение держать прямо, слегка вздернув квадратный, с ямочкой посередине подбородок, а маленькие, глубоко посаженные глазки его отчего-то тусклы и безразличны ко всему происходящему в обозримой видимости.

А вот ежели б он вдобавок снял свою белоснежную шелковую рубашу да выпростался из тончайших хэбэшных штанов... Нет-нет, не подумайте плохого, хулиганы вы такие! Ничего, достойного пристального внимания, в штанах не имелось. Если бы описываемый господин разделся, можно было бы лишь страшно изумиться его чрезвычайной худобе и шерстистости да еще, пожалуй, с удивлением полюбоваться на килевидную грудь. Ах, что это была за грудь! Настоящая антропологическая редкость, раритет – такая грудинка встречается раз в пятилетку на семнадцать с половиной тысяч жителей даже Новой Зеландии – чего уж там говорить про какой-то заштатный Ложбинск, один из нескольких десятков областных центров, разбросанных по огромной территории Российской Федерации...

Однако в ближайшее время мужик-мужичонка не собирался освободить кресло от присутствия своего тела, так же как и не намередвался разоблачаться – незачем было.

Дело в том, что перекидной календарь на большом кабинетном столе показывал субботу, стрелки антикварных часов, что на стене напротив и тикают мелодично, фиксировали половину одиннадцатого, и никаких забот на сегодняшний день не предвиделось. К тому же несмотря на то, что за окном стояла или висела – как вам будет угодно, – в общем, имела место июньская жара, вполне характерная для климатической зоны данного региона в данное время, в большом при шторенном и зажалюзленном кабинете уютно гудели сразу два кондиционера, и настенный термометр показывал всего 21 градус С.

А поскольку мужик вставать и раздеваться не собирался, тому, кто посмел бы в эту минуту войти в кабинет, удалось бы рассмотреть лишь мощную крупную голову с высоким лбом, очень естественно переходящим в необъятную загорелую плешь, которая матово отсвечивала в обрамлении жиденьких волосиков, более похожих на цыплячий пух.

Звали мужика Адольф Мирзоевич Пульман. Положение, которое он имел в обществе, формально именовалось звучно и весомо: заведующий областной психиатрической клиникой, расположенной в п. Приютное, пригороде Ложбинска, доктор наук, действительный член АН России, почетный член Британской АН и так далее и тому подобное – долго пере-

числять. Неформально же, так сказать – втуне, статус Пульмана обозначался очень скромно и простенько: пахан ложбинской братвы.

Не далее как полчаса назад он выслушал доклады всех своих сексотов, наличествовавших в криминальных структурах и около, и остался вполне доволен – дела обстояли самым наилучшим образом. Особенно обрадовало сообщение бригадира центральной группировки, которому в соавторстве с первым помощником Пульмана было поручено весьма деликатное и важное поручение, – оный бригадир докладывал, что все идет в соответствии с графиком и вскоре будут результаты. Пульман, давно лелеявший смутные надежды на осуществление одного грандиозного плана собственной заготовки, с нетерпением ждал этих самых результатов. И теперь он с замиранием сердца прикидывал, какова будет масштабность виктории, одержанной его могучим интеллектом над житейскими неурядицами и проблемами суровой действительности. Правда, радость несколько омрачала невозможность вкушать эту викторию прямо с пылу с жару – с ходу, что называется: не далее как через два дня ожидалась ежегодная комиссия из Москвы, в связи с чем необходимо было совершить ряд ненужных телодвижений и оставить на некоторое время все личные дела – статус обязывал. Однако Адольфа Мирзоевича это особенно не расстраивало: долгие годы полуничтожного неизвестного существования приучили его к терпению и стойкости. Он умел ждать...

Итак, спешить было некуда, придумывать, чем развлечься во второй половине дня, пока было лень, а потому Пульман, как уже упоминалось выше, занимался делом, которое в последнее время сильно залюбил: наслаждался покоем и комфортом, употреблял черешню с попутной тренировкой в меткости и рассеянно размышлял о приятных вещах.

Всю свою сознательную жизнь он был психотерапевтом и потому прекрасно знал, что покой, комфорт и приятные мысли всячески способствуют душевному здоровью, а беспокойство, дискомфорт и тревожные раздумья – наоборот. И как только образовывались подходящие предпосылки и условия, Адольф Мирзоевич старался проводить время именно таким образом – сохраняя душевное здоровье. А здоровый дух, сами понимаете, в здоровом теле. Здоровое же тело было необходимо Адольфу Мирзоевичу для того, чтобы как можно чаще и подолгу вкушать все прелести нового образа жизни, доступного ему лишь с недавних пор.

Справедливости ради следует заметить, что доктор и ранее пытался сохранять душевное здоровье и размышлять отвлеченно о приятных вещах, но в те времена желанные покой и комфорт были в его жизни весьма относительными понятиями, а сами приятные думы, как правило, были представлены в виде сладких грез о несбыточном.

Судите сами – ну какой там комфорт и покой в однокомнатной хрущобе, где он проживал совместно с глуховатой и подслеповатой матерью, страдающей эпилептическими припадками?! Многие знают, что такое есть хрущоба – ужасное порождение эпохи застоя. А хрущоба Пульманов, ко всему прочему, находилась в рабочем районе Ложбинска, что весьма усугубляло ситуацию. Тонкие стены позволяли пребывать в курсе всех подробностей непрекращающейся вечно пьяной драмы жизни и быть косвенным ее соучастником. Слева кричит опоенный денатуратом престарелый сифилитик, совершенно случайно не попавший в реестр персональных пенсионеров и оттого безобразно буйствующий. Справа раздаются отчаянные вопли одинокой алкоголички, перемежающиеся с мощными ударами о стену и утробным мычанием: это она воспитывает троих сыночков – даунов, спонтанно зачатых в неподходящих условиях черт знает от кого и чуть ли не стоя рожденных в условиях, еще более не подходящих для свершения великого таинства появления новой жизни на свет божий. Потолок сотрясается от могучих прыжков дебила-переростка, вообразившего себя одним из героев Фенимора Купера и пытающегося минимум пять раз за сутки снять скальпы со своих сердобольных родителей-чернобыльцев, не пожелавших отдать чадо куда следует. Снизу в плиту перекрытия систематически долбит персональный пенсионер-бильярдист, лишившийся на старости лет рассудка на почве реформ, сожравших в одночасье все его сбе-

режения, но по прихотливой воле Судьбы не утративший ловкости рук и тяжеленного самшитового кия, которым он умерщвляет мух, предварительно заманивая их через распахнутую форточку тошнотворным смрадом лежалой говядины с опарышами...

Какой вообще, к чертовой бабушке, покой и комфорт можно обрести в современном российском городе, на шумных и грязных улицах, где всяк норовит либо обругать, либо толкнуть пребольно, а то и вовсе в репу зарядить за просто так: маленький, уродливый, беззащитный – так на тебе! Не путайся под ногами, сволота недоразвитая! Ну а в местах не столь шумных и немногочисленных искать покоя было весьма чревато: злые люди с развитыми мышцами и неразвитым интеллектом могли запросто раздеть донага или вообще ухайдокать – от нечего делать. Грустно, что и говорить...

Оставался, однако, еще один более-менее сносный вариант насчет помечтать в относительно спокойной обстановке: во время ночных дежурств в клинике. Да-да, пожалуй, в тот отрывок своей жизни Адольф Мирзоевич более всего любил ночные дежурства, когда он оставался в дурдоме самым старшим и наглухо запирался в ординаторской на третьем этаже, дабы избежать нежелательного вторжения извне. Ах, эти ночи-ноченьки... Они были поистине отдушиной в тягостном существовании обиженного судьбой Пульмана. До утра он возлежал на кушетке, щурясь на тускловатый свет ночника, и периодически мастурбировал ввиду какого-нибудь порножурнала, изредка вздрагивая от нечеловеческих вскриков особо буйных пациентов, содержащихся в изолированных палатах на первом этаже. Покой был весьма нестабильным: в любую минуту психи или пьяные санитары, а то и совокупно обе категории могли отмочить какую-нибудь непредсказуемую пакость, за что потом Пульману, как дежурному, пришлось бы отвечать перед строгим начальством.

В общем, в тот период Пульман мог только мечтать в беспокойной обстановке о несбыточных вещах – ни о чем хорошем и приятном, имевшем место в реальности, поразмышлять не представлялось возможным. Что хорошего могло быть в жизни маленького и уродливого психотерапевта, отягощенного дурной наследственностью, которому приходилось жить совместно с престарелой, больной матерью? Насчет этой самой пресловутой наследственности Адольф Мирзоевич узнал еще в раннем возрасте, когда соседские дети, злобные отродья, всячески третировали его духовно и телесно, обзывая, как полагается в таких случаях, «фашистской жертвой аборта». Дело в том, что мать маленького Адольфа, высленная в Узбекистан повожская немка, в свое время стала объектом сексуальных домогательств своего домовладельца Мирзо и вынуждена была делить с ним ложе – иначе никак не получалось выжить в ту нелегкую пору. Детей у них отчего-то не было, и это обстоятельство страшно удручало узбекских родственников, которые, в силу духовной недоразвитости, даже пытались пару раз лишить Марту (так звали мать Пульмана) здоровья и самой жизни. Спасаясь от преследования родственников, узбеко-немецкая чета дождалась периода относительной стабилизации экономики, оперативно срулила из солнечного северного Узбекистана и поселилась в Ложбинске. Со временем Мирзо, освоивший на чужбине профессию ассенизатора, благополучно спился от тоски по родине и даже обзавелся белой горячкой, а Марта стремительно захирела и из белокурой красавицы девицы превратилась в ворчливую бабищу, склонную к буйству во хмелю. Так бы они и существовали в хрущобном алкогольном мореке и скорее всего безболезненно отошли бы в мир иной, не оставив после себя никакого следа, кроме неприятных воспоминаний соседей. Но случилось так, что в один прекрасный вечер престарелого Мирзо внезапно обуял невесть откуда свалившийся демон сладострастия, мирно спавший последние пятнадцать лет в проспиртованном организме ассенизатора. В очередной раз ужрамшись вдрызг в каком-то подвале, Мирзо возвратился домой, стремительно напал на ни о чем не подозревавшую Марту и, невзирая на яростное сопротивление последней, произвел удивительно длительный акт насильственного совокупления, сопровождаемый разухабистыми воплями на узбекском языке.

Как известно, природа не прощает таких выкрутасов в шестидесятилетнем возрасте, да еще после длительного алкогольного марафона. Буквально на последней фрикции Мирзо страшно посинел и, дико вскрикнув, испустил дух, а Марта, обнаружив у себя между ног мертвеца, схлопотала первый в жизни эпилептический припадок. На этом, однако, причуды Провидения не окончились. Спустя некоторое время престарелая Марта с ужасом заметила, что у нее как-то непроизвольно начал расти живот...

Вот таким образом и появился на свет Адольф Мирзоевич – плод поздней страсти престарелого ассенизатора. Всеобщая неприязнь окружала его с раннего детства, и в зрелом возрасте положение нисколько не улучшилось. Отчасти это обстоятельство обуславливалось не столько уродством Адольфа Мирзоевича, сколько его скособоченным мироощущением, сформированным в виде своеобразной защитной реакции на тычки и пинки окружающего мира. Адольф Мирзоевич вполне искренне полагал себя пупом – уж если и не всей земли, то Ложбинской области всенепременно. Ведь он такой талантливый и одаренный, у него такое тонкое душевное устройство, такие скрытые силы внутри... да еще вдобавок ко всему он имел счастье родиться 21 апреля, а как известно, примерно в это же время некогда появились на свет такие потрясатели основ мироустройства, как Ленин и Гитлер. Так поклоняйтесь же и боготворите его за это, поскольку все вы, окружающие, быдло и серость за редким исключением! Что, не поклоняетесь? Головастиком обзываете? Ну и фаллос вам в капюшон, вагину на голову – переживем как-нибудь (цитирую дословно: будучи медиком, Адольф Мирзоевич ругался именно так)!

В детстве он страстно мечтал стать наемным убийцей (слово «киллер» в те времена еще было не в авторитете) и прилежно посещал стрелковый кружок ДОСААФ, где достиг довольно высоких результатов. Маленький Адольф часто представлял себе, как станет взрослым и поубивает, к чертовой матери, всех злобных соседских пацанов – откуда-нибудь с крыши или из быстро несущейся машины, как показывали в кино. Но время шло, к числу соседских пацанов постепенно присоединялись другие члены общества, которые одинаково плохо относились к Адольфу, и вскоре он понял, что всех не перестреляешь – патронов не хватит. А потому постепенно оставил идею насчет наемного убийцы – она была нереальна. Для того чтобы наказать всех обидчиков и презирателей в полном объеме, требовались катаклизмы несколько иного масштаба...

Так и жил Адольф Мирзоевич, всех подряд презирая и презираемый почти что всеми. Особенно трагично складывались его отношения с прекрасной половиной мира сего. Одно время он был женат на своей пациентке, которая вроде бы благополучно прошла курс лечения и по графику была выписана из клиники как явно выздоравливающая особь. Поскольку Пульман был ее лечащим врачом, эта дама его просто боготворила: ухаживала за ним, готовила ему пищу, стирала и вообще – всячески лелеяла благоверного и нечасто устраивала скандалы со свекровью, которая, как положено, невестку люто ненавидела.

Оказалось, однако, что, частично избавившись в достославном заведении от одного недуга, супруга Пульмана – звали ее Сильва – весьма странным образом обзавелась другой болячкой. Поначалу Адольф Мирзоевич посчитал за незаурядное проявление своих доселе скрытых мужских достоинств тот факт, что супружница его новоявленная при одном прикосновении худосочной психотерапевтической длани к ее дородному телу принималась сладко стонать и извиваться в эротической истоме. А уж когда дело доходило до раздвигания ног и первичного проникновения всего лишь на полфаллоса, Сильва начинала самозабвенно вопить и взбрыкивать, аки хорошая ковбойская лошадь на родео, пугая глуховатую свекровь и настораживая плохо звукоизолированных соседей. Данное обстоятельство Пульман открыл еще в ходе лечения Сильвы, развлекаясь с нею в ординаторской во время ночных дежурств. Это страшно льстило Адольфу Мирзоевичу – одно время он словно на крыльях

парил, вознесясь над обыденностью мирской суеты и убедившись наконец на практике в своей исключительности.

Вскоре, однако, вся эта приятная история завершилась самым прозаическим образом. Возвращаясь как-то рано утром домой после ночного дежурства в клинике, Адольф Мирзоевич еще в подъезде услышал хорошо знакомый самозабвенный вопль, сопровождаемый хоровым мычанием – весьма громогласным и настойчивым.

Птицей взлетев на свой этаж, психотерапевт с ужасом обнаружил, что супружницу его прямо на площадке чрезвычайно активно имеет в позиции №12 (см. учебник «Кама Сутры» для подготовительного отделения Набережночелнинской школы сутенеров, стр. 217) один из соседских даунов, при этом громогласно мыча и пуская слюни. Двое других даунов, почти так же громогласно мыча и радостно гыкая, иступленно мастурбировали, максимально приблизив огромные головы к сопрягающимся гениталиям коитусующихся – дабы в подробностях запечатлеть процесс и не упустить чего-нибудь особенно важного.

Приложив титанические усилия, Пульману удалось порушить позицию №12 и загнать выпавших из-под контроля даунов обратно в их берлогу. Сграбастав Сильву в охапку, Адольф Мирзоевич ввалился к себе домой и начал отчитывать ничего не понявшую маман, в процессе чего супружница вдруг напала на него и, дико вопя, пожелала тут же совокупиться как придется. Укротить сексапильную барышню Пульман сумел с огромным трудом – для этого пришлось четырежды хлобыстнуть милашку по репе электровафельницей, которая, будучи явно не предназначена для подобных операций, немедля сломалась.

Связав горемыку бельевой веревкой, Пульман немного поразмышлял и, тяжело вздохнув, вызвал бригаду скорой психиатрической помощи. И самолично препроводил Сильву обратно в Приютное.

В ходе обследования выяснилось, что у горячо любящей супруги психотерапевта наличествует вызванный опухолью мозга явно выраженный синдром гиперсексуальности, весьма часто встречающийся в рабоче-крестьянской среде и в просторечии именуемый не иначе как «бешенство матки». Возмущенный Пульман, будучи прекрасно осведомлен, чем может быть вызвано столь специфическое заболевание, быстро провел расследование в кругу своей компетенции и выяснил первопричину. Виновником оказался дурдомовский сантехник Панкрат – здоровенный недоразвитый мужлан из числа бывших пациентов клиники, обладавший звериной силой и огромным детородным органом. Панкрат сам признался, что часто и подолгу пользовал Сильву в своем подвальчике – совершенно добровольно и заимообразно. Но в процессе использования сантехник раскладывал больную на трубах отопления, и, когда он входил в режим наибольшей амплитуды, Сильва с размаху билась головой о стену – очень неудобно, знаете ли, на этих паршивых трубах, держаться не за что. Вот и получилась опухоль мозга, вызвавшая соответствующее заболевание.

Скорбно взгрустнув о случившемся, Адольф Мирзоевич пристроил супругу куда положено и вновь зажил, как прежде, сделавшись еще более замкнутым и нетерпимым в отношениях с сослуживцами. Хорошие отношения у него были только с пациентами – психи за что-то любили маленького доктора, как утверждали злые языки, считали его равным себе по интеллекту. Вскоре после неудавшейся женитьбы психотерапевт решил реабилитироваться и предпринял непродуманную попытку вступить в интимные отношения с очередной выздоравливающей идиоткой Инночкой. Эта дамочка, будучи не совсем в своем уме на момент начала активных действий, да вдобавок еще и пребывавшая в состоянии сильной алкогольной прострации, по простоте душевной нанесла Пульману тяжкую психическую травму, восторженно завопив при виде распаленного и совсем раздетого Адольфа Мирзоевича примерно следующее:

– Тюю-ю-ю!!! Який малэнький писюн! Такого я ще нэ бачила! Хи-хи-хи...

Более Адольф Мирзоевич не предпринимал попыток сблизиться с представительницами прекрасного пола в практическом аспекте и довольствовался малым: в процессе ночных дежурств теоретически терзал на разные лады самых немыслимых красавиц, помогая своему воображению поочередно обеими руками.

Таким образом и продолжал бы существовать заштатный психотерапевт, никем не востребованный и всеми нелюбимый. Но однажды случилось то, что происходит, если верить статистике, пару раз в столетие на восемь с половиной миллионов индивидов...

В тот знаменательный вечер Адольф Мирзоевич был дежурным по клинике и, как обычно, занимался приятным времяпровождением на кушетке в ординаторской, наглухо запершись и для верности забаррикадировав дверь тяжелым креслом.

Полагаю, следует обратить ваше внимание на состояние атмосферы накануне и непосредственно во время того как, а также на ряд обстоятельств, казалось бы, никоим образом не связанных с последующими изменениями в жизни Пульмана.

Ориентировочно перед обедом над приютненскими пустошами сформировалось необычайно устойчивое марево, ветер утих, а комары совсем озверели – дело было в конце июля. Во второй половине дня над Приютным образовался мощный грозовой фронт, явно не собирающийся в ближайшее время никуда перемещаться.

Часам к семи вечера тучи настолько затянули небо, что, казалось, будто уже наступили сумерки и вот-вот на Приютное обрушится ночь со всеми сопутствующими факторами. К десяти часам вечера в воздухе стояла тягостная духота, почти ощутимая физически и со страшной силой давящая на сознание. А ровно в 22.30 вдруг прекратились всякие шумы и, как по команде, хором завывли окрест все имеющиеся в наличии собаки – будто по покойнику.

В клинике такое состояние атмосферы ознаменовалось сильным душевным волнением: тихопомешанные больные, склонные к меланхолии, принялись негромко рыдать и горестно стонать, а буйные, проявляя высокую моторную активность, начали отчаянно вопить и долбиться головами о стены своих обиталищ. Медперсонал, оставшийся дежурить в этот вечер, особого внимания на отклонения в поведении пациентов не обратил, поскольку все это ему давненько обрыдло и воспринималось без особой эмоциональной окраски. Кроме того, накануне в клинике давали получку, и теперь все, кто пребывал в относительно здравом уме, занимались приятным делом – ударно вкушали водочку, пользуясь попустительством равнодушного к подобным порокам Пульмана.

Ближе к полуночи разразилась сухая гроза – молнии со страшной силой ухали и крикали, пронзая все видимое пространство над клиникой и прилегающими территориями и освещая окружающий ландшафт призрачным сиянием. Все благоразумные живые твари попрятались кто куда, дабы, не приведи господь, не зацепило ненароком.

В первом часу ночи Адольф Мирзоевич, запасшийся свежим номером «Пентхауса», при свете торшера успел теоретически во всех мыслимых позициях совокупиться с особо приглянувшейся ему ядерной мулаткой, вольготно распростершейся на медвежьей шкуре – самым занимательным местом прямо к объективу. В процессе этого увлекательного занятия психотерапевт шесть раз почти достиг пика наслаждения, в самый последний момент методически грамотно воздерживаясь от эякуляции.

Праздник всепоглощающего оргазма неотвратимо приближался – будучи весь покрыт обильным потом и страшно дрожа от возбуждения, Адольф Мирзоевич ринулся в атаку в седьмой раз и до того вошел в образ, что начал громко рычать наподобие пещерного медведя и заполосным шепотом грозить качественно исполненной фотографии: «Ууууррр... Я тебя щас!!! Ууууххх... Аааррр!!! Рааастерзаю!!! Я тебе так засажу – у тебя позвоночник через жопу выскочит!!! Ууууххх, сволочь!!! На! На! На! Получай!!!»

И – вот он, все ближе и ближе желанный миг победы, взлелеянный в процессе двухчасового кропотливого труда, еще несколько секунд, последние уверенные движения левой

руки... И вдруг за окном, во дворе клиники, раздался пронзительный нечеловеческий крик, более похожий на предсмертный вопль хищника, не характерного для данного природного ареала.

Вообще-то к воплям пациентов Адольф Мирзоевич привык и, как уже говорилось выше, в таких случаях только вздрагивал. Однако таковые вопли, как правило, раздавались внутри клиники и частично глушились могучими стенами. В настоящий момент вопль прозвучал со двора. Это было мощным отклонением от нормы – Пульман вдруг мгновенно утратил эрекцию и потерял интерес к изображению в журнале. Испуганно метнувшись к окну, он всмотрелся в ночную мглу. При вспышках молний можно было с трудом разглядеть следующую картину: какой-то больной очень активно перемещался по территории двора, преследуемый двумя вяло передвигающимися санитарями.

Виртуозно выругавшись, Адольф Мирзоевич натянул штаны, со вздохом сожаления бросил взгляд на томившуюся от вожделения мулатку и, разблокировав дверь, покинул ординаторскую.

В процессе перемещения дежурного врача с третьего этажа на первый ситуация во дворе несколько изменилась. Больной успел скрыться из поля зрения, а запыхавшиеся санитары, благоухающие ядреным водочным перегаром, спотыкаясь непослушными языками через так-твою-мать, пояснили Адольфу Мирзоевичу, что неурочный бегун не кто иной, как клинический раритет: престарелый тихопомешанный Обтрухаэсас, сын латышского стрелка, сдуревший очень давно, еще до начала перестройки.

Оказалось, что тихопомешанный каким-то образом умудрился взломать дверь своей одиночной палаты и, ловко отоварив по ходу движения нерадивых санитаров, употреблявших в холле стационара винно-водочные изделия, благополучно удрал на улицу. А поскольку он социально опасен – надо ловить.

Несказанно удивленный тем, что латыш проявляет не свойственные своему профилю заболевания повышенную моторику и агрессию, Адольф Мирзоевич рысцей обогнул угол здания и припустил в направлении хоздвора. Виноватые санитары не замедлили присоединиться к начальнику, компенсируя утраченную координацию движений и отсутствие должной живости чрезвычайно воинственными криками.

Между тем гроза помаленьку набирала силу – разряды участились и начал накрапывать дождик.

Добравшись до здания котельной, Адольф Мирзоевич на пару секунд застопорился у мощных зарослей лопухов, примыкавших к ограждению двора, – и тут же был напуган до полусмерти: из кустов стремительно выбросился Обтрухаэсас, пронзительно гикнул на врача и, гигантским прыжком преодолев расстояние до трубы котельной, с обезьяньей ловкостью взвился вверх, едва касаясь конечностями скоб.

В этот момент к месту вознесения подтянулись пьяные санитары, и у подножия трубы, как и полагается в таких случаях, разразился затяжной консилиум по поводу направлений дальнейшей деятельности.

Санитар Фрол предложил сбегать домой за дробовиком – обещал, буде ему разрешат, в два приема подбить проклятого гада и тем самым решить проблему на корню. При этом Фрол горячо заверял Пульмана, что он весьма неслабый стрелок и, когда трезвый, запросто мочит влет любую птицу. Сейчас он, конечно, слегка поддатый, но это ничего – уж в сидячую-то мишень на таком расстоянии точно попадет!

Отказавшись от столь заманчивого предложения, Адольф Мирзоевич высказал мнение о целесообразности привлечения приютненской пожарной команды, у которой какая-то там хитрая лестница есть и вообще... И тут же был опровергнут вторым санитаром – Никифоровом.

– Ну ты даешь, старшой! Пожарники! Ха! Да они в это время уже не то что лыка не вяжут – огнетушитель принимают за члена экипажа! Пожарники... Давай лучше электрокабель к трубе подтянем и клеммы на лестницу замкнем – он, педрила, сам спрыгнет!

Адольф Мирзоевич со смятением в душе отверг и это предложение, санитары же принялись горячо отстаивать свои проекты.

Так, в бесплодных спорах, прошло около десяти минут, дождь продолжал накапывать, молнии грохотали со страшной силою, а на трубе произошли некоторые подвижки прогрессивного характера.

Посидев некоторое время на верхотуре и слегка промокнув, тихопомешанный слегка остыл и начал осознавать весь ужас своего положения – сверху донесся протяжный вой, полный глубокой скорби и потрясающей безысходности. За ним последовали причитания: «Снямитя мяня, робяты!!! Я сын латышского стрелка!!! Ооооуууй!!! Мой отец вам свободу добывал, товарищцы!!! Снямитя!!! Ой бя – загнали на трубу!!! Загнали бальноххо!!! Пролетарии усех стран – единяйтесь!!! Ой, снямитя, а то щас рухну!!!» – и далее в таком же духе.

В некотором замешательстве почесав затылок, Адольф Мирзоевич взял себя в руки и довольно твердым голосом приказал Никифору лезть наверх и достать больного. Никифор отказываться не стал и довольно резво бросился на скобы, но уже с четвертой ступеньки сорвался вниз и вывихнул ногу.

Убедившись, что повреждение получено достаточно серьезное, он пришел в ярость и слезливо крикнул, задрав голову вверх:

– Ох ты ж, чмо епаное! И как это твоего долбаного папашку вовремя в расход не вывели вместе с собутыльниками?! Щас бы жили себе в объединенной Евразии! У-у-у, сволота! – И оборотивши лицо к дежурному врачу, решительно заявил: – Не полезу больше! Пусть, в тризду, уволят, к гребаной маме!

Тогда Адольф Мирзоевич отправил на трубу Фрола. Фрол героически сдублировал попытку соратника, однако не смог подтянуться даже на вторую ступеньку: то ли, скотобаза, пьян оказался более чем положено, то ли вообще в тихий саботаж ударился – в темноте не разберешь.

– Алкаши куевы! – горестно резюмировал Пульман. Почесав затылок, он решился на отчаянный шаг – послал санитаров за брезентом и подмогой и, поплевав на ладошки, полез сам.

Между тем дождь усилился, скобы были скользкими, и пару раз психотерапевт едва не спикировал вниз, чудом удержавшись на трубе. Спустя три минуты горе-верхолаз с грехом пополам добрался до скрючившегося где-то посредине трубы больного и осторожно, как предписывает инструкция, начал ему внушать: хорош, дескать, выделяться, а давай-ка, милый, потихоньку, полегоньку...

Внимательно вслушиваясь в речь врача, больной стал понемногу успокаиваться и даже спустился на одну ступень. В этот момент Адольф Мирзоевич, желая подстраховать шизоида, слегка придержал его за щиколотку. Это было страшной ошибкой: утробно ойкнув, тот дернулся, как ударенный током, и заорал дурным голосом:

– Ойяяаа!!! Сбросить, падла, хош?! Угробить хош?! Ойяяаа!!! Пусти, дяденька, пусти-и-и, бляааа!!!

От неожиданности Пульман еще крепче вцепился в лодыжку больного, но латыш начал отчаянно лягаться. Потеряв ориентацию, Адольф Мирзоевич сорвался ногами со ступеньки и завис, одной рукой держась за скользкую скобу, а другой прикрывая голову от активно лягавшего его сверху дегенерата.

К этому моменту санитары привели десятка полтора выздоравливающих идиотов и притащили с собой здоровенный кусок брезента – тент, сорванный впопыхах с дурдомовского «ЗИЛа».

Проявив недюжинную сноровку, Адольф Мирзоевич, ободренный наличием подмоги снизу, умудрился сместиться на одну ступень вниз и, оказавшись наконец вне досягаемости смертоносной ноги шизоида, прочно уцепился руками за скобу. Слегка отдышавшись, он набрал в легкие побольше воздуха и уже собрался было вновь начать уговаривать пациента...

Но в этот миг где-то рядом оглушительно шарахнуло, да так, будто рванул полковой артиллерийский погреб. Двухязычная молния, причудливо изогнувшись, аки доисторический ящер, лупанула Пульмана прямо в темечко и, скользнув белой змеей по трубе, мгновенно ушла в землю...

Глава 3

Через полчаса невыносимой тряски метрах в трехстах спереди среди раскидистых кустов показалась корма бежевой «шестерки», медленно плетущейся по ухабистой грунтовке.

– Что и требовалось доказать, – раздувая ноздри в боевом азарте, пробурчал Иван и скомандовал: – Всем под броню!!!

– Ты хотел сказать – «к бою!»? – поинтересовался несколько замешкавшийся Шифер, не пожелавший вместе с остальными укрываться в чреве «бэтэра».

– Я что хотел – сказал! – нарычал на помощника Иван, загоняя его увесистой оплеухой в люк, и, подавая пример, сам сполз на командирское место.

– Какой, в задницу, «к бою!» – недовольно поморщился он, оказавшись внутри. – Совсем квалификацию потеряли! Заложники ж, блин, – какой может быть бой? Мы им и так жопу намнем, без всякого боя, – и толкнул в бок водителя: – А ну, Петро, надай!

Петро тотчас же и надал – машина быстро сократила дистанцию и приблизилась к «Жигулям» метров на пятьдесят. Теперь стало заметно, что перед «шестеркой» неспешно пылит джип, выдерживая дистанцию метров в двадцать. Из-за сплошного пылевого облака, поднимаемого впереди идущим транспортом, невозможно было точно определить, где размещаются заложники.

– А ну, Вовчик, посмотри в прицел, кто в «жигуле» сидит, – распорядился Иван, дернув за ногу наводчика-оператора, и, спохватившись, добавил: – Только электроспуск выключи! А то еще нажмешь ненароком...

В этот момент грунтовка резко повернула вправо: те, что находились в «Чероки», судя по всему, заметили неожиданного попутчика. Джип взвыл наподобие раненого слона, резко рванул вперед и вскоре скрылся из виду.

– Бросили, уроды. – Иван снова дернул оператора за ногу. – Ну?!

– Наблюдаю в салоне два черепа, – флегматично докладывал Вовчик. – Один – шофер, второй – рядом... На баб вроде не похожи.

– Ну и ладушки, – угрюмо пробормотал Иван. – А ну, Петро, отправь этих козликов в ближайшие кусты. Только аккуратнее, смотри не задави насовсем!

Петро радостно придавил педаль акселератора к полику – машина зарычала, скакнула вперед, настигая «жигуль», и ощутимо долбанула левым передним колесом в задний бампер. «Шестерка», завизжав тормозами, развернулась поперек грунтовки и с треском вломилась в придорожные кусты, перевернувшись при этом на крышу.

– Стоять! – крикнул Иван. – А ну, братья, взяли! – и ломанулся наверх.

Спустя пятнадцать секунд на месте происшествия уже царила теплая деловая атмосфера: бойцы сноровисто обыскивали салон перевернутых «Жигулей» и распнутых неподалеку джигитов, не забывая изредка награждать их (джигитов, естественно, а не «Жигули» – техника-то тут при чем?) дружескими тычками и подзатыльниками, а между ними суетливо бегал француз, потрясая кулаками и выкрикивая проклятия. Иван сидел на корточках у покореженного заднего бампера «шестерки», курил «Петра» и нехорошо шурился, задумчиво рассматривая окровавленные физиономии пленников – оба джигита здорово побились в момент вынужденной остановки с переворотом и теперь выглядели совсем непрезентабельно. Хорошо еще дисциплинированные попались, пристегнулись ремнями. Запросто ведь могли шеи поломать – летели они, дай боже!

– Чисто, – уныло доложил Шифер, когда тотальный обыск завершился и стало ясно, что результат вышел нулевой. – Совсем ничего... Может, подбросим? У меня тэтэшник левый есть – с последнего шмона завалился...

– Детский сад, что ли? – недовольно буркнул Иван. – Подбросим... Можешь вставить свой тэтэшник себе куда-нибудь... Ммм-да...

– Зачем машин ламал? – плаксиво крикнул один из пленников, сообразив, что выводить их в расход так вот сразу никто не собирается. – Ехал, ехал – раз! Ламал! Как тэпэр гост ехат?

– Рот закрой, пиздрон! – показательно оскалился Иван, приставляя ствол автомата ко лбу одного из задержанных. – Заложники где?! Стволы ваши где?! Маски?!

– Зачэм абижяиш! – пронзительно завизжал «индеец». – Какой, э, ружье? Ехал гост – на этот республыкь живет, Резан Мехматов завут, да! Дрюдьжба хател делат, да! Бастурма вызял! Щащлыкь э, хател, да! Пасматры – бастурма на машин лижжит!

– Че пи... дишь, чмо! – не выдержал стоявший рядом с ним Шифер, пиная «индейца» по заднице. – В гости они ехали! Да вы ж сваливали отсюда! Любой дурак враз определит, что вы сваливали, – аккурат к вашему долбаному КПП ехали! Мы ж вас в жопу стукнули с этой стороны! Скажи, командир?

– А ну, скажи адрес этого вашего Резана Мехматова, – как-то вяло поинтересовался Иван, отмахнувшись от возмущенного помощника: он уже успел оценить место происшествия глазами эксперта и прекрасно понимал, что после случившейся толкотни определить, откуда и куда ехали «Жигули», будет весьма проблематично.

– Хазрык, ульц Джавадова, дом два, – скороговоркой выпалил «индеец» и опять плаксиво протянул: – Сматры, э – вэсь бастурма упал! Как гост ехат тэпэр?! – Неугомонный Шифер не поленился раскрыть ранее обнаруженную в салоне «шестерки» скороварку с герметично завинченной крышкой, в которой была резаная баранина в вине, и вывалил содержимое на землю.

– Хорош развлекаться, деятель! – процедил Иван и, озабоченно нахмурясь, без особой надежды обратился к французу: – Посмотри – эти?

Морис присел на корточки, чтобы получше рассмотреть лица задержанных и в замешательстве пожал плечами. Тут приблизился местный водила, до сих пор сидевший в своей «Ниве», тоже посмотрел и сокрушенно развел руками:

– Он маска на голова бил, когда нападаль... Нэт, э – как узнат? Машин – точно, тот. Номер, бляд, нэт... Такой машин – многа...

Иван невнятно выругался. Нехорошо получалось. Ситуация из серии «влипли»...

Если бы ребятишки были сами по себе, можно было сдать их на ближайший фильтр⁶ и шепнуть дежурному, что это – «индейцы» соседей. К утру от них гарантированно остались бы рожки да ножки. Но эти были членами банды, которых Иван собирался использовать для полного или частичного обмена на свежеумыкнутых заложников. В данном случае обычные методы не годились. Нужно было убедить посредника, который явится на переговоры, что «индейцы» полностью избобличены, сдали всех подряд подельщиков-соратников и принадлежность их к самой гнусной части горского люда является неоспоримым фактом – вот доказательства: оружие, маски, наркота и так далее и тому подобное. Короче – или страшный скандал с привлечением СМИ, или по-хорошему разменяемся. Такие истории случались неоднократно, примеров несть числа. Именно поэтому он с легким сердцем пустился в погоню, даже имея в виду, что одна из машин банды может оторваться и скрыться восвояси...

В данном случае доказательства отсутствовали начисто. Ни тебе оружия, ни наркотиков, ни контрабанды, ни каких-либо предметов, свидетельствующих о незаконном промысле. Жертвы похитителей не опознали – по вполне понятным причинам. Машина слишком типичная, номера нет. Зато имеется железное алиби. Наверняка в Хазрыке, на улице

⁶ Фильтр-пункт. Нехорошее место для задержанных по подозрению в чем-то на территории режима ЧП. Там сидят сотрудники ОВД и ФСБ и с утра до вечера выясняют личности подозреваемых, а также проводят дознание. Сами понимаете: сотрудники – представители того народа, на земле которого находится фильтр.

Джавадова дом два, сидит агент банды из местных и готов под присягой на Коране подтвердить, что ждал в гости этих ублюдков. Да уж... Или «индейцы» попались до невозможности хорошо организованные и тертые, или Судьба в очередной раз повернулась к Ивану задом – поди, разберись...

– Вы оставаться – я ехать на контрольный пункт! – мужественно заявил француз, выпятив грудь, но тут же не выдержал и со слезами в голосе попенял Ивану: – Я сразу сказал – вы не мешать! Как я теперь? Бандит теперь будет злой, что вы взял его люди!

– Я тебе сказал – помогу, значит, помогу, – раздраженно пробурчал Иван. – Стой где сидишь и слушай меня – все будет тип-топ! А ну, братья, грузите этих пиздронов в трюм.

С пленниками тут же поступили так, как это водится на войне, пусть и необъявленной: лишили обуви, завязали глаза, запихали в «бэтээр», затем связали руки в положении «за спиной» и спустили штаны до колен – на всякий пожарный. Проследив за погрузкой, Иван кивнул местному водиле:

– Заводи. Щас едем, – после чего подозвал Шифера и распорядился следующим образом: – Я поеду с ними на «Ниве». Подкатите «бэтээр» метров на триста к «нейтралке», спрячете в зеленке. Сам и Коба поползете к дороге, заляжете в кустиках – меня страховать. Станцию не бери – зашумит, услышат... Остальные – сидеть на «бэтээре», ждать сигнала. Вопросы?

– Какого сигнала? – оживленно шмыгнул носом Шифер.

– Да хер его знает! – Иван легкомысленно пожал плечами. – Но – если что, наверно, что-то будет. Посмотрим, короче. И гляди у меня, без самодеятельности!

– Не бойсь, командир, если что, всех в клочки порвем, «мама» сказать не успеют! – возбужденно пообещал Шифер.

– Вот этого-то как раз и не надо. – Иван показал на прощание своему помощнику кулак и пошел садиться в «Ниву»...

На «нейтралке» царило оживление. Трехсотметровый промежуток между КПП гвардейцев и блокпостом внутренних войск был тесно заставлен двумя рядами машин, владельцы которых желали проехать – одни на территорию республики, другие – к «соседям». Очередь двигалась медленно – и на КПП, и на блокпосту производили тщательный досмотр транспорта на предмет обнаружения запрещенных к провозу предметов. Вырулив с грунтовки на шоссе, «Нива» с трудом протиснулась между двумя «КамАЗами» и встала на обочине, метрах в ста от КПП.

– Я пойти туда, – нетерпеливо заявил Морис, потыкав пальцем в сторону контрольного пункта. – Бандит там ждет.

– Сидеть, мой красивый, – придержал его Иван, поудобнее устраиваясь на заднем сиденье. – Не бог весть какая цаца – если ждет, то подойдет.

Француз насупился и нервно забарабанил пальцами по приборной панели. Иван неопределенно хмыкнул и принялся не спеша в очередной раз изучать этот парадокс, именуемый в официозе «субъектом Российской Федерации», а в просторечии обзываемый всеми, кто с этим явлением сталкивался, «системой ниппель». Что это за штука такая? Для тех, кто не в курсе, скажу: туда дуй, а оттуда – сами понимаете... «Соседи», декларативно нарекаемые нашими политиками «субъектом Федерации», плевать хотели на все федеральные законы и без всяких шуток считали себя суверенным государством, наделенным соответствующими правами и полномочиями. «Субъективного» у этой своеобразной республики было только то, что она наравне с остальными субъектами всю пользовалась российскими энергоносителями, дотациями, социальными выплатами и остальными благами донорского характера. На этом субъективность заканчивалась – далее шла непреклонная суверенность. У граждан «соседей» имелись два паспорта – общероссийский и свой, с претензией на общемировой стандарт. Любой обладатель двух паспортов, совершив преступление на террито-

рии России, мог смело мчаться на свою территорию и спокойно гулять там в свое удовольствие – выдачи правоохранительным органам России оттуда не было, так же как не было доступа представителям этих органов на суверенную землю. «Соседи» имели свои Вооруженные силы, оставшиеся практически в неизменном виде со времен последней Кавказской войны, и слышать не хотели о чужом военном присутствии. Никакими правовыми актами данное положение не регламентировалось, но, если бы наш «бэтээр» с блокпоста ВВ рискнул подъехать к КПП гвардейцев на сто метров – примерно на то место, где сейчас стояла «Нива» с французским флажком, – по нему немедленно открыли бы огонь из всех видов оружия, а потом неделю вопили бы на всю страну, что состоялась очередная провокация вконец оборзевших российских спецслужб.

Именно поэтому Иван принял все меры предосторожности, отправляясь на встречу с гипотетическим посредником. Малейшая оплошность грозила вылиться в громкий скандал, ничем не уступающий по масштабам очередной «военной провокации» да еще «международного характера», каковых в последнее время в Приграничье было более чем достаточно...

– Бандит идет! – петухом всхлипнул француз, указав пальцем в сторону КПП, и схватился за дверную ручку, намереваясь выскочить из машины.

– Сидеть, я сказал! – рявкнул Иван, дернув его за плечо, и глянул в сторону контрольного пункта. Оттуда к ним по обочине шоссе размашистой походкой направлялся худощавый симпатичный горец средних лет, облаченный в ослепительно белые брюки и такую же рубашку. Горец цепким взглядом поедал французский флажок на капоте «Нивы» и недовольно хмурился.

– Оно еще хмурится... – язвительно процедил Иван. – Оно еще недовольство проявляет, блин... Ты на переговорах, француз, проявляй солидность. Че, по телевизору не видел, как послы на своих «стрелках» базарят? Щеки надувай – типа тебе по барабану, пусть, падла, сам перед тобой жопой крутит!

– Мой не барабан совсем, – уныло твердил Морис. – Мой фемина – два, у бандит. Сердце мой – там...

– Ниче, порешаем щас, порешаем, – подбодрил его Иван, задраивая окно со своей стороны, и обратился к водителю: – А ты, паря, подыми свое стекло и... ежели в историю влипнуть не хочешь – выдь, погуляй, пока мы калякать будем. Кто его знает, как оно обернется...

Водила сделал большие глаза, поднял стекло и стремительно покинул салон. В этот момент горец приблизился к «Ниве» и что-то спросил у него, сияясь рассмотреть сквозь тонированные окна, кто находится внутри. Крепыш что-то ответил, кивнув на лобовое стекло, и торопливо отошел в сторону блокпоста. Горец презрительно выпятил губы, рванул правую заднюю дверцу, просунул голову в салон и по-русски, чисто, без акцента, начал было:

– Я не понял? Что за дела, начальник...

– На зоне будет тебе начальник. – Иван схватил его за химок и рывком водворил в салон. – Дверь аккуратно прикрой, мой красивый, и – тихо. – Для убедительности он ткнул грязным компенсатором автомата в живот горца, одним движением показав, что палец плотно лежит на спусковом крючке, а сектор переводчика предохранителя пребывает в положении «Ав».

– Вот это ты попал, мужик! – криво ухмыльнулся пленник, узнав вконец перепуганного Мориса. Он спокойно захлопнул дверь, никак не реагируя на свежее пятно на рубашке. – С вояками связался, значит! Ну-ну... Значит, получишь головы своих баб – за плохое поведение. А я думал, миром все решим, поговорим как следует...

– Рот закрой и слушай, – вмешался Иван, несколько оскорбленный тем, что на него не обратили должного внимания. – Два твоих пиздрона у меня сидят – дали полный расклад по всей банде и готовы писать заявление о явке с повинной. Есть альтернатива. Ориенти-

вочно через час ты нам привозишь заложников куда укажу. Делаем торжественный обмен и расходимся потихоньку каждый в свою сторону. Если нет, тогда мы тебя сейчас забираем с собой и кое-куда едем. А через два часа последует заявление для прессы и крутой репортаж с твоим участием – в присутствии твоих хлопцев. Вывозим вас по уши в дерьме – как два пальца обоссать... Вопросы?

– О как! – воскликнул горец и с интересом уставился на Ивана. – Так, значит... Ну-ну... Теперь меня слушай, капитан...

– С чего это ты взял, что я капитан? – обескураженно поинтересовался Иван. – Ты че – мое личное дело читал? Или у меня на лбу погоны приклеены?⁷

– У тебя на роже написано, что ты офицер спецназа, – спокойно пояснил горец. – Тебе за тридцать, а все катаешься старшим группы сопровождения... – Тут он кивнул в сторону француза: – На этого ты напоролся, когда ехал мимо с отделением сопровождения, так?

– Ты хорошо осведомлен о некоторых особенностях жизни Пограничья, – с досадой признал Иван. – Давай к делу – нечего тут психэтюды разыгрывать!

– А щас – щас к делу, – согласился горец. – Секунду – закончу... Так вот – ты катаешься с отделением сопровождения, а не в штабе сидишь. Значит, на майора еще не вытянул. Для старлея стар. Ваши в твоём возрасте уже подполковниками ходят... Вывод? Да ты просто недотепа, парень! Я сам бывший офицер спецназа, прекрасно знаю эту специфику. Я, кстати, тоже ушел из армии капитаном – но не потому, что полный debil. Просто я – «черный». Ты же знаешь, как к «черным» относятся. А ты – натуральный олух. Вот сейчас влип ты – по самые...

– У тебя есть минута, чтобы сделать выбор, – оборвал красноречивого «коллегу» Иван. – Да – место и время. Нет – поедешь с нами. Шевелись!

– Слушай – тебе какой интерес с этого дела? – неожиданно искренне заинтересовался кавказец. – У этого – ясно. Горе у него, близких украли. – Он кивнул на француза, напряженно следившего за диалогом. – Я хочу на этом деле хорошие бабки получить. Работа такая... А ты? Ведь тебе-то не обломится ни копейки! Зачем ты влез?

– У тебя осталось двадцать секунд, – флегматично напомнил Иван и приказал Морису: – Высунься – водилу позови. Щас едем до хаты.

– Не зови, – спокойно возразил горец. – Никуда вы не едете... У тебя, капитан, еще есть время все поправить. Еще не поздно...

– Время вышло, – отрезал Иван. – Ты решения не принял. Значит, мы едем к нам, гостем будешь, – и прикрикнул на застывшего в нерешительности француза: – Ты кого слушаешь, лягушатник?! Я тебе сказал – водилу зови!

– На КПП смотри. – Сузив зрачки, горец приглашающим жестом протянул ладонь в сторону КПП. – И не торопись. Я в принципе не боюсь смерти... но пожить бы еще хотелось...

Иван посмотрел. По обеим сторонам контрольно-пропускного пункта стояли «восьмидесятки»⁸, расположенные на некотором возвышении и зарытые, как полагается, по самые башни в бетонные блоки. Пулеметы вопреки требованиям техники безопасности были опущены и направлены аккуратно на их «Ниву». На башне правого «бэтэра» сидел мужлан с биноклем, облаченный в военную форму, смотрел опять же в их сторону и держал в руке какую-то штуковину – судя по всему, радиостанцию.

– Во, блин, – одобрительно пробормотал Иван и тут же деловито внес поправку: – Для левого наши полкорпуса – в перекрытом пространстве, «КамАЗ» загораживает.

⁷ В районе ЧП военные, как правило, не носят знаков различия – дабы не искушать снайперов «соседей» и «индейцев», желающих взять в заложники офицера.

⁸ БТР-80 – неплохая машина с двумя двигателями на соляре и двумя пулеметами: 14,5 мм КПВТ и 7,62 мм ПКТ. Если влупить сразу из двух стволов, да со ста метров, да патронами с пулей БЗТ или Б-32, – «Ниву» в клочки разнесет.

– Зато у правого мы как на ладони. – Горец принял поправку. – И все мы теперь заложники. Я должен показаться из салона и сделать два креста. – Он сложил руки перед собой, показав, что имеет в виду. – Тогда – все в норме. А если крестов не будет... в этом случае любой, кто выйдет из машины, будет расстрелян. Если поедете без крестов, то же самое... Ну как тебе, капитан?

– Очень даже ничего, – печально похвалил Иван. – Мы действительно заложники... Слушай, а если у тебя ненароком случится сердечный приступ... тогда как? Нам что тогда – жить в этой машине?

– Я совершенно здоров! – белозубо оскалился горец. – Приступ исключен... Но на всякий случай – если через час я не выйду из машины, сюда придет наряд гвардейцев и проверит... Не надо объяснять, что сто метров нейтралки от КПП – наша зона ответственности?

– Не надо, – согласился Иван. – Однако ты кто такой, «индеец»? Отчего это гвардейцы тебя слушаются? Нет, я в курсе, что вы все заодно... но не до такой же степени!

– Я – Артур Бекбулатов, – скромно представился горец. – Командир отряда Национальной гвардии. Ну и по совместительству промышляю тут кое-чем – сам понимаешь... Давай, кстати, о деле – чего зря время терять!

– Наглый, как танк, – сокрушенно констатировал Иван. – Ничего не боится... Думаешь, тебе все вот так с рук сойдет? Да мы тебя на всю страну ославим, красивый ты мой! Тебя свои же соратники на площади расстреляют – за такой беспредел...

– Доказательств нет, – лениво зевнул Артур. – Кто тебе поверит, капитан? Я далек от мысли, что наша беседа записывается на диктофон – вы же торопились, недосуг было прихватить. А больше у тебя на меня ничего нет. Сейчас переговорю с французом, пройду сто метров – и можешь охотиться на меня всем вашим спецназом, вместе взятым. Так что – кушайте на здоровье!

– Спасибо, завтракал, – угрюмо ответил Иван и выложил свой козырь: – Мои снайпера сидят тут неподалеку, в «зеленке», и внимательно наблюдают за событиями. Твои «индейцы» тоже сидят в моем «бэтээре». Напрасно ты недооцениваешь наш спецназ. Теперь я знаю, кто ты такой, так что...

– Тебе это не пригодится – можешь мне поверить, – беспечно отыгрался Артур. – И вообще ты тут лишний. Если хочешь облегчить положение вот этого дяди и его баб – отпусти моих парней. Я, так и быть, за это дело сотню штук баксов скину... А?

– Я не верю, что бойцы КПП получили команду стрелять по машине в тот момент, когда ты там сидишь. На самоубийцу ты не похож, – заметил Иван. – Но ты меня убедил, что я лишний на этой вашей вечеринке. Так что пойду я потихоньку... Кстати, ты знаешь, сколько времени нужно наводчику, чтобы поменять сектор прицеливания башенных пулеметов?

– Э-э, погоди, ты чего? – забеспокоился вдруг Артур. – Ты что задумал, капитан?

– Сейчас я дам тебе по репе, и ты отключишься, – ласково пояснил Иван. – Француз заведет машину, она потихоньку тронется с места, в этот момент мы с ним выпрыгнем, нырнем под «КамАЗ» – и через секунду будем в кустах с той стороны дороги. Пока твой мужик с рацией доложит обстановку экипажу левого «бэтээра», мы с Морисом как раз удалимся из его сектора. И посмотрим, как тебя разнесут в клочья твои гвардейцы. А если не разнесут, значит, ты соврал. Тогда мы вернемся в машину и отвезем тебя куда надо. Куда нам надо... Француз, заводи! – Иван ловко перехватил автомат и замахнулся для хлесткого удара прикладом.

– Стой! – злобно крикнул Артур, закрывая голову руками. – Верю! Будем договариваться!

– Ладно, это всегда успеется, – быстро согласился Иван, опуская приклад и вновь направляя ствол в живот соседа. – Излагай твои условия.

– Ну, чтобы отпустить заложников за так, не может быть и речи – можешь меня прямо сейчас тут грохнуть. Это не только мой бизнес, меня за такие штуки не простят... – Теперь Артур смотрел на Ивана с уважением. – А ты молодец, капитан. Я бы с тобой поработал... Так вот, сначала был такой план – семьсот штук баксов. Мы расценки знаем – не впервой. Отдавайте моих людей – хорошо скошу. Допустим, двести штук. Итого – остается пол – «лимона». Нормально?

– Слово мужика? – ехидно осведомился Иван. – А как отдадим тебе «индейцев», опять накрутишь двести штук?

– Слово Артура Бекбулатова, – гордо поправил его собеседник. – Ты хорошо поработал, капитан, считай, двести штук для компании срубил. Они тебя за это должны...

– Мой компания готов платить миллион, – внезапно вмешался до сего момента молчавший Морис. – Только вы отдавать мой фемина – два. Пожалуйста! – Тут на глаза его навернулись слезы, он потащил из кармана носовой платок и с шумом высморкался.

– «Лимон» – это хорошо, – одобрил Артур. – Только ведь весь расчет как раз и строился на твоих бабах. За баб будешь беспокоиться и быстренько выдоишь из своей компании бабки. А если мы их отдадим, вы потом будете этот «лимон» год собирать. Нет, так не пойдет.

– Ты все испортил, индюк. – Иван угрюмо покачал головой. – Я ж тебе сказал – щеки надувай...

– Я договаривать с президент компании. Он убеждать совет директоров. Группа эксперт приезжать – расследование. Банк переводить деньги. Я получать. Это дело долго. – У Мориса задрожали губы, и он всхлипнул. – Весь этот время... мой фемина – у бандит... Что он с ним делает?!

– Ну, это уж не мои проблемы, – лениво зевнул Артур. – Что делает... Жена твоя дочь родила, – значит, женщина. Обещаю, что девочку мои люди из нее делать не станут. – Он нехорошо хохотнул. – А вот насчет дочери – ничего обещать не могу. Сам понимаешь – горцы такие люди...

– Рот закрой, дебил, – злобно оскалился Иван. – Че ты несешь!

Морис их уже не слушал – худые плечи француза сотрясали безутешные рыдания. Дико было наблюдать за взрослым мужчиной, плачущим, как дитя, – Иван невольно потянулся и погладил его по голове, промямливая что-то утешительное.

– Нет, насчет баб мы не договоримся, – продолжал Артур развивать свою мысль, никак не отреагировав на замечание Ивана. – Бабы – это наш гарант...

– Я сам... сам пойду! – сквозь слезы отчаянно воскликнул француз. – Пусть я плен – фемина отпусти!

– Да ты совсем дурак, француз! – укоризненно сказал Артур. – А кто бабки будет добывать? Вот он, что ли? – Он ткнул указательным пальцем в сторону Ивана. – «Сам пойду...» Ты пойми – мы же не дураки. В этом деле весь расчет строится на том, чтобы кровно заинтересовать того, кто должен платить. Вот мы и заинтересовали. Да не хнычь ты, не мужик, что ли?

– Там молодой парень есть, родственник его, – вмешался Иван. – Чем тебе не интересант? Отпусти баб, командир, добром прошу!

– Нет, этот его родственник – не интересант, – упорствовал Артур. – Что с мужиком станется? Да и двоюродный – брат-то... Не будет он рвать и метать за двоюродного... Вот если бы ты, капитан, пошел заместо баб – тогда другое дело. – Он возбужденно сверкнул глазами и подмигнул Ивану. – Тогда бы я, пожалуй, подумал. А что? Твои пацаны, пока ты у нас сидеть будешь, всю душу из этой конторы вытрясут – чтобы бабки побыстрее заплатили. Чем не гарант? – Он тонко рассмеялся, чрезвычайно довольный своей шуткой.

– Ага, все бросил и пошел, – проворчал Иван. – Всю жизнь ждал этого момента...

Неожиданно Морис перестал всхлипывать и уставился на него пронзительным немигающим взглядом. И столько боли было в этом взгляде, столько скрытой надежды, что Ивану стало не по себе.

– Че ты пялишься, рахит! – грубо прикрикнул он на француза. – Пялится он...

– Мой дети – все твой имя, – хрипло бормотал Морис. – Мой деньги – все твой. Дом на Парис – твой. Пожалуйста! Иди за фемина к бандит! Ты не... Ты не думать, что он там с ним делает?! Пожалуйста! – И вдруг он большим шурупом ввинтился между передними сиденьями, вцепился обеими руками в грязную Иванову кроссовку и принялся исступленно ее обцеловывать.

– Да еб... Ну-ка, бля... Да пошел ты, рахит! – возмутился Иван, силясь выдернуть ногу из цепких рук француза. – Щупальца убери! Все, все – уже иду!

– Далеко? – живо отреагировал Артур.

– В плен к тебе. Вместо его баб, – пробурчал Иван, выдернув, наконец, кроссовку из рук француза. – Вот ведь прицепился, зараза! Как клещ, блин...

– Не шутишь? – недоверчиво покосился на него Артур. – Офицер спецназа в плен? Добровольно?!

– Так точно – добровольно, в плен, – подтвердил Иван, избегая встречаться взглядом с глазами Мориса, загоревшимися огнем безумной радости. – Давай по-быстрому притащи его баб, я тебе отдаю твоих рахитов, садимся на твою тачку и едем...

– С трудом верится, – настороженно произнес Артур, поедая взглядом каменный Иванов профиль. – Что-то ты задумал, капитан...

– Да ну в задницу – какой тут «задумал»! – в сердцах воскликнул Иван. – Я отдаю тебе твоих пиздронов, ты отдаешь баб, я иду в комплект к его двоюродному брату и переводчику... а этот индюк, – кивок в сторону затаившего дыхание француза, – тем временем добывает тебе пятьсот штук баксов.

– Семьсот, – поправил Артур.

– Ты сам сказал – я за язык не тянул, – возмутился Иван. – Said – отдаете моих людей, двести штук сбрасываю. Слово дал... Или слово свое назад забираешь?

– Ладно, хрен с вами – согласен, – сдался Артур. – Давай обсудим порядок обмена...

Минут через сорок на небольшую полянку, примыкавшую к грунтовке и расположенную в километре от «нейтралки», выехал джип «Ниссан» и остановился метрах в пятидесяти от «бэтэра», возле которого рассредоточились бойцы отделения сопровождения. Из машины вышел Артур, помахал автоматом и весело крикнул:

– Капитан, иди погляди!

– Страховать, – привычно бросил Иван, положил автомат в траву и направился к джипу. Кого конкретно страховать, никто не понял: только что командир строго-настрого запретил стрелять в сторону машины с заложниками – что бы ни случилось.

В машине находились трое боевиков и женщины. Заглянув в салон, Иван моментально оценил обстановку: все боевики с автоматами плюс Артур – итого четыре ствола. Судя по всему, ребята выросли с оружием в руках и не страдают комплексом тотального гуманизма – это было написано на их наглых бородатых рожах. Помимо всего прочего, каждый из «индейцев», сидевших по обе стороны от женщин на заднем сиденье, держал в левой руке РГД-5⁹, демонстративно надев кольцо выдернутой предохранительной чеки на мизинец.

– Ну, это уже перебор, – кивнул Иван на гранаты и внимательнее пригляделся к женщинам. Мамаша, хорошо сохранившаяся блондинка лет сорока, держалась молодцом, хотя блузка на ней была разорвана, а шею и выглядывающее из прорехи левое плечо украшали

⁹ Ручная осколочная граната – разлет осколков 25 метров.

кровоподтеки. Дочь – точная копия матери, упакованная в джинсовый комбинезон, делала отчаянно круглые глаза. Лицо ее покраснело и припухло от недавних рыданий.

– От уроды, бля! Дегенераты фуеголовые! – с тихой ненавистью процедил Иван, поворачиваясь к Артуру. – Когда успели – на ходу, что ли? Кастрировать вас надо, бля – поговаривают...

– Ну я ж не могу за всем подряд уследить, – флегматично заявил Артур, не отреагировав на оскорбление. – Давай построю своих в шеренгу перед «бэтээр» – посчитаю.

– Даю. – Иван поднял вверх правую руку и звонко щелкнул пальцами. Тотчас же из-под «бэтэера» и над ним возникли руки, сжимающие автоматы. Ни одной головы. Башня чуть сдвинулась вправо и вернулась в исходное положение.

– Не понял, – нахмурился Артур. – Ты чего?

– Я построю бойцов в шеренгу перед «бэтээр», а ты их одной очередью срежешь, – деланно зевая, пояснил Иван. – Че ж я – дурнее паровоза? Считаю – руки все правые, левшей не держим.

– Ну-ну, – неодобрительно буркнул Артур и пальцем посчитал автоматы. – Посчитал – семь плюс ты. Плюс наводчик – в «бэтэере» сидит. Норма.

– Местность смотреть будешь? – поинтересовался Иван.

Артур впился в него взглядом и с полминуты изучающе рассматривал, будто пытался что-то уяснить для себя. Наконец хмыкнул и покрутил головой.

– Не буду. Все путем.

– А если я договорился с пацанами с блокпоста? – хитро прищурился Иван. – Сидит сейчас отделение в кустиках – как баб отдашь, так и струканут. Или моих парочка? Достаточно двух хороших снайперов...

– Хорош придуряться. – Артур снисходительно усмехнулся. – Я, прежде чем ехать, взял бинокль и посчитал людишек на блокпосту – там все на месте. А у тебя в отделении девять человек – вместе с тобой.

– Откуда дровишки? – недоверчиво прищурился Иван. – У тебя что – прямая связь со штабом группировки?

– Тоже мне – военная тайна! Да наши вас ежедневно по пять раз пересчитывают – от нечего делать. Хватит дурковать – работать давай. Моих орлов покажи.

Иван опять поднял руку вверх и показал два пальца. Из «бэтэера» высадили захваченных «индейцев» и поставили их на землю, поддерживая за штаны.

– Били? – лаконично поинтересовался Артур, рассмотрев окровавленные лица соратников.

– Сами, – в тон ответил Иван. – Машина перевернулась.

– Ладно, хрен с ними. – Артур поморщился. – Живы – и то хлеб. Поехали, что ли?

– Поехали, – согласился Иван и помахал правой рукой. Двое бойцов подвели задержанных «индейцев» метров на двадцать и встали за ними, уперев стволы автоматов в спины.

– В сторону отойди, – распорядился Артур. – А то шустрый больно...

– Отхожу. – Иван попятился назад и остановился метрах в десяти от джипа. Артур что-то сказал боевикам, находящимся в салоне, те медленно вышли, извлекли пленниц и, крепко обняв их за талии, направились к середине полянки.

Когда объекты обмена оказались друг от друга на расстоянии нескольких шагов, Артур крикнул:

– Стой! – и протянул Ивану наручники: – Давай, братишка... Руки за спину и повернись к лесу передом, а ко мне задом.

– Сначала пусть вставят чеки на место и согнут усики, – заупрямился Иван. – И отойдут от дам на пару шагов. Наручники – это всегда успеется.

Артур на секунду задумался, впиваясь взором в лицо оппонента, затем нервно глотнул, поднял автомат и, прицелившись Ивану в грудь, скомандовал:

– Чеки – на место! Отошли на два шага.

«Индейцы» послушно выполнили распоряжение: привели гранаты в безопасное состояние, отошли на два шага и тотчас же направили автоматы на женщин.

– Ручки, – напомнил Артур, бросая Ивану наручники. – Давай, капитан, не упрямясь...

Иван, тяжело вздохнув, поднял наручники и окольцевался в положении «руки за спину», повернувшись к Артуру спиной.

– Очень приятно, – облегченно вздохнул Артур. – А теперь – давай, на переднее сиденье. Давай!

– Те двое – автоматы на предохранители, кругом и потопали сюда, – скомандовал Иван. – Потом – можно и в машину.

– Ты уже в наручниках, капитан, а все командуешь! – нервно хохотнул Артур. – Не поздно ли?

– Пока я здесь – я командир, – тихо сказал Иван. – Лучше на «бэтээр» посмотри. – И громко откашлялся. Пулеметы «бэтэера» плавно поехали влево и остановились на Артуре.

– На предохранитель – ставь! – недовольно крикнул Артур. – Кругом! Бегом марш!

«Индейцы» на середине полянки поставили автоматы на предохранители, развернулись и затрусили к джипу. Иван, удовлетворенно крякнув, приблизился к машине и забрался на переднее сиденье. В этот момент у «бэтэера» происходила трогательная сцена: обезумевший от радости Морис тискал своих вновь обретенных женщин, не обращая внимания на отрешенное лицо супруги и сдержанные рыдания падчерицы.

– Стой! – вдруг заорал Шифер, догоняя «индейцев». – Стой, базар есть!

– Не понял! – насторожился Артур. – Что за дела?

– Сказать кое-что надо, – жестом успокоил его помощник Ивана, показывая руки – автомат он оставил возле бэтэера. – Все путем, старшой, все путем... Я хотел намекнуть насчет режима содержания...

– Чего там намекать, – нахмурился Артур. – Если твой командир будет себя хорошо вести, сразу отпустим – как только бабки получим.

– Не, я не про то, я не про то, – скороговоркой зачастил Шифер. – Ты вот что, старшой... Имей в виду... Короче, мы все в курсе, ну, насчет ваших жопошных замашек...

– Ты чего несешь, малый? – Артур обиделся. – Помоев поел?

– Не-не, обидеть не хочу, – заверил Шифер. – Просто предупреждаю... Ну, насчет педерастии вашей... Короче, ежели командира кто хоть пальцем тронет, мы вам тотальный впопураз устроим...

– Тотальный чего? – удивился Артур. – Как сказал?

– Ну, знаешь, как пословица гласит: «в попу раз – не педерас», – протараторил Шифер. – Вон, у нас для такого дела свой грузин есть – большой охотник... – Тут Шифер обернулся к «бэтэеру», махнув призывно рукой, крикнул: – Правильно я говорю, Коба?! – и изобразил непристойный жест. От «бэтэера» дружно заржали, а здоровенный ставропольский грузин Загрия плотоядно зарычал и почесал волосатую грудь.

– Ну а воше, кроме шуток, ежели кто хоть пальцем командира тронет, мы потом каждого мужика, кто с вашей стороны приедет, будем того... опускать. И подробно рассказывать, почему такое свинство приключилось. Будете вы республикой пидаров. Усек? – дополнил Шифер.

– Ну и шуточки у твоего подчиненного, капитан, – насупился Артур, укоризненно посмотрев на Ивана. – Хоть сейчас стреляй...

– Это не шутки, старшой, – веско сказал Шифер. – Никого обидеть не хотел, просто предупреждаю. Ты сам бывший спец – прекрасно знаешь, что такое боевое братство. В общем, поверь мне на слово – так и будет.

Артур пристально посмотрел на прапора.

– Ладно, учтем, – пообещал он. – Никто вашего командира пальцем не тронет. Это я тебе отвечаю...

...Покурив «шалы», Иван воровато огляделся и извлек из кармана крохотный кусочек четырехгранного надфиля. Сев лицом к выходу, он скрестил ноги и принялся за свою обычную послеобеденную процедуру – обтачивание заклепок на кандалах. Заклепки были массивные, такие и нормальным напильником стачивать – целый день уйдет. А уж работать сантиметровым огрызком стершегося надфиля – натуральный мазохизм. Зачем он это делает, Иван и сам толком не знал. Даже если удастся в один прекрасный день расковать (именно день – на ночь пленникам надевали наручники, что делало работу невозможной) и в одиночку перебить всю охрану, удрать отсюда все равно не получится. «Нычка» располагается у них на довольно приличном расстоянии от границы Республики – вокруг села, жители которых немедленно схватят непонятно откуда взявшегося славянина и сдадут куда надо. Или вообще пристрелят из первых попавшихся кустиков, а потом подойдут посмотреть, нет ли у него чего хорошего в карманах. Так что надежда на досрочное освобождение была призрачной и эфемерной. Тем не менее вот уже почти неделю Иван с маниакальным упорством стачивал заклепки – должно быть, все из-за своего упрямого характера. Обыскивали их ежедневно, но на крохотный кусок надфиля никто внимания не обращал – так он и лежал в кармане вместе с обломками спичинок, ничем от них не отличимый на ощупь. Надфиль выбросил Махмуд, предварительно разбив его молотком на мелкие кусочки. Ну кто мог предположить, что эти кусочки на что-то еще годны?

Ближе к вечеру подъехал Артур – забирать Жюльена на переговоры. Через день он возил переводчика куда-то в село, где был телефон. Жюльен упрашивал заведующего филиалом побыстрее заплатить обещанный выкуп и, разумеется, пользуясь случаем, жаловался, что бандиты плохо с ним обращаются. Как и предполагал прозорливый Артур, со сроками выкупа возникли небольшие проблемы – компания не слишком торопилась отдавать похитителям полмиллиона долларов. Управляющий говорил, что на счет филиала пока что перевели двести пятьдесят тысяч. Вторая половина вот-вот ожидается. Очевидно, руководство компании уповало на правоохранительные органы Республики или какую-то счастливую случайность. Только случайностей здесь не бывает – тем более счастливых. А правоохранительные органы, декларативно объявившие войну похитителям живого товара, на самом деле такую войну вести не в состоянии. Не будешь же воевать со всем своим народом...

В этот раз вопреки обыкновению обычно веселый Артур был замкнут и угрюм. Приказав отвести Жюльена в свой «Ниссан», он зашел в хибару и жестом показал тенью следовавшему за ним Махмуду, что желает общаться с Иваном тет-а-тет. Махмуд послушно нацепил на Ивана наручники в положении «спереди», смачным пинком выгнал Антуана и удалился сам.

– Твои хлопцы совсем оборзели, капитан, – криво ухмыльнувшись, начал Артур, присаживаясь на краешек замызганных нар. – Представляешь: выследили сегодня меня, когда к «соседям» ездил, остановили тачку посреди дороги и потребовали, чтобы я немедленно тебя освободил. Как бандиты, честное слово!

– Сказали, что если не согласишься, то грохнут на месте? – хитро сощурившись, высказал предположение Иван. – А ты, конечно, заявил, что освободят вот-вот. Бабки, типа того, компания уже почти приготовила... А если ты через час не вернешься, то им привезут мою голову... Так?

– Угадал, – кивнул Артур. – Умница. Так и сказали. И я им насчет твоей головы так и сказал...

– А они поверили этим басням и отпустили тебя. И на прощание напомнили, что со мной нужно лучше обращаться, а то всех подряд будут опускать, кто с вашей стороны придет. Ага?

– Это не басни, капитан, – насупился Артур. – Ну не через час... Но как только мои люди узнали бы, что со мной что-то случилось, все ваши три головы подбросили бы на блокпост – тут уже не до бабок...

– Видимо, соскучились мои хлопцы без меня. – Иван с хрустом потянулся. – Раньше-то они тебя не трогали – хотя пасли наверняка...

– Не соскучились – тут другое. – Артур вытащил из нагрудного кармана рубашки телеграфный бланк и протянул Ивану. – Вот, они просили передать...

Иван взял телеграмму скованными руками, недоуменно хмыкнул и пробежал глазами лаконичные строчки: «Умерла мать приезжай похороны 23» и подпись «тетя Даша». Перевернул листок – на обратной стороне отчетливая большая печать с орлом и стандартный оттиск с размашистой росписью: «Факт смерти гражданки Андреевой заверяю – военком п/п-к Кариков».

Иван туго покрутил головой – не поверил. Вновь прочитал, всматриваясь в каждую букву. Пробормотал враз пересохшими губами:

– Какое... число какое – сегодня?

– Двадцать второе... Я вот что скажу, капитан... Ты хоть и враг, я тебе сочувствую. Прими соболезнования. То, что мы друг друга мочим, – это понятное дело. Но когда матери наши умирают – это горе, я знаю. Самое страшное горе...

Лицо Артура вдруг расплылось и утратило очертания – Иван хлопнул носом и неловко полез окольцованными руками вытереть слезы. Артур начал что-то говорить, но он не слышал, потихоньку впадая в ступор. Мать – единственный человек в этом мире, который был ему близок и дорог. В последнее время он редко бывал дома – отчасти из-за специфики работы, отчасти из-за холостяцкой безалаберности. А может, еще и потому, что дома не нуждались в его помощи. Мать всегда отличалась железным здоровьем и даже после гибели отца легко управлялась с громоздким крестьянским хозяйством. В последний раз они виделись три года назад: Иван как раз попал в пору сенокоса и пришлось через «не хочу» помогать – куда денешься! Справились вдвоем, никого не приглашая, хотя накопить на три коровы – это вам не колбасу в буфете трескать. А под конец, когда скирдовали, мать заставила Ивана вскарабкаться наверх и за три часа в буквальном смысле загоняла навильником. Неделю потом отлеживался – все мышцы болели... Господи, да что ж такое стряслось, что заставило умереть такую жизнелюбивую и здоровую женщину, которой едва перевалило за полтинник? Несчастный случай? Или за эти три года она успела обзавестись каким-то не ведомым доселе недугом и все это время тихо угасала? А сыночек и не подозревал об этом – мотался себе по горам да в отпусках с девчатами развлекался...

– Да ты слушай, капитан! – толкнул его Артур. – Слушай чего говорю. Тебя ж касается!

Иван на краткий миг сосредоточился – лицо собеседника вновь обрело ясность, и стало понятно, о чем он говорит: половина суммы у них уже есть.

– В последний раз, когда разговаривали, они предлагали отдать половину за двоих своих сотрудников. Офицера, говорят, оставим пока, за него потом выйдем. Я, естественно, не согласился. Сейчас, думаю, можно по-другому раскинуть... В общем, я еду болтать с ними – добазаримся, чтобы, значит, тебя отпустить за полсуммы, а этих оставить. Я о тебе пекусь – потому как раньше тоже в спецах хаживал... Так что завтра вечером, если все удачно ляжет, будешь уже...

– Какое сегодня? – перебил Иван, наморщив лоб и всматриваясь в телеграмму. – Число какое?

– Двадцать второе, – терпеливо повторил Артур. – День нашествия фашистских захватчиков... хотя тебе это по барабану...

– Поздно пришла, – сокрушенно пожал плечами Иван, кивая на телеграмму. – Че ж так поздно, а...

– Ну, сам знаешь – пришла в часть, пока уточнили твои координаты, пока переправили... Наоборот, очень даже оперативно сработали молодцы. Завтра, если все получится...

– Завтра никак не получается, – хрипло перебил Иван, уставясь пустым взглядом на телеграфный бланк. – Завтра уже хоронить будут – не успеваю...

– Ну что ж – такова судьба, капитан, – философски заметил Артур. – Печально, конечно... Однако ехать мне надо – хорош тут с тобой болтать. – Он поднялся с топчана и направился было к выходу.

– Вечером из Беслана борт летит. – Иван лихорадочно сверкнул глазами и вдруг, звякнув кандалами, неуклюже скакнул к Артуру, упал на колени, вцепился скованными руками в его щиколотку: – Слышь... как брата прошу – отпусти! Щас отпусти – как раз успею на бесланский борт. Завтра к полудню дома буду. Слышь – как брата!

– Да ты че – дурак, что ли? – округлил глаза Артур, силясь выдернуть ногу из цепких Ивановых рук. – Какой «отпусти», э?! А кто же мне тогда заплатит? На хера тогда вообще тебя брал?

– Похороны – завтра, – бесцветным голосом забубнил Иван. – Я тихо улечу – никто не узнает... А потом, если надо, обратно к тебе вернусь... Слышь – отпусти, а? Как брата прошу, слышь... Я тебе чем хочешь клянусь... Слышь – если завтра отпустишь, уже будет поздно... Борт – сегодня...

– Хорош дурковать! – раздраженно воскликнул Артур, выдирая ногу и пяясь к выходу. – Я ж тебе сказал – завтра. И то – при благоприятном раскладе. Ну чего непонятно?

– Не отпускаешь? – потерянно прошептал Иван. – Не хочешь?

– Нет, не отпускаю, – отрезал Артур. – Я же сказал! Все – пошел я... Э-э, ты чего? Сердце, что ли?

Иван неожиданно ухватился руками за середину кандалной цепи и, широко расставив ноги, скрючился в позе готовящегося к броску борца сумо. И ритмично задышал, закрыв глаза. Прозорливый и предусмотрительный главарь «индейцев» на сей раз ошибся – с сердцем у капитана было все в порядке. Просто парень собирался поставить своеобразный рекорд для горских хибар закрытого типа, а это дело требовало определенной концентрации. Ритмично вдохнув десять раз, он вдруг разогнулся и рванул цепь кандалов вверх, напрягшись в нечеловеческом усилии.

– Да ты че – совсем сдурел, капитан? – воскликнул Артур, удивленно глядя на своего оскалившегося пленника – у того от напряжения на лбу проступили вены, а глаза в буквальном смысле вылезли из орбит. – Че ж ты ее рвешь, идиот, она ж железная! Ты брось это дело...

Чпок! Чпок! Изнасилованные накануне заклепки не выдержали и одновременно выскочили из колец – цепь оказалась в руках Ивана.

– Не отпускаешь – тогда я сам, – прохрипел он, крутанув тазом и приближаясь к Артуру. – Некогда мне тут с вами...

– Махмуд! – испуганно позвал Артур брата, рванув из плечевой кобуры изящный «ПСМ» с полированным затвором и наставляя его на пленника.

Мягко подшагнув, Иван завалился набок и мощно лягнул бывшего спеца стопой в грудь – Артур, подбросив пятки, впечатался спиной в стену, сильно ударился черепом и, закатив глаза, мягким кулем сполз на нары. «ПСМ» шмякнулся на пол.

– Ты мне и нужен, – прошептал Иван, поудобнее перехватывая цепь и вставая слева от входа.

Пригнув голову, в хибару торопливо полез красавчик Махмуд, со свету приставляя левую ладонь козырьком к бровям, а в правой держа автомат.

– А ты – нет, – выдохнул Иван, со всего маху угощая красавчика цепью по голове. Крупное тело грузно рухнуло на земляной пол и, пару раз дернув ногами, перестало подавать признаки жизни.

– Хорошо, – одобрил сам себя Иван, пощупав артерию на шее. – Минус один, – и, наблюдая за входом, принялся рыться в карманах убитого, отыскивая ключи от наручников.

Обнаружив искомое, он расстался с ненавистными браслетами и разогнул кольца на щиколотках. Затем запнул игрушечный пистолетик Артура под нары и, подхватив автомат Махмуда, двинулся к дверям, на ходу досылая патрон в патронник.

– Ну-ка – бегом в хибару, – тихо распорядился Иван, заметив скучающего неподалеку от входа Антуана. Француз, увидев автомат в руках соратника по плену, сделал круглые глаза. Иван грозно нахмурился и жестом показал, что неплохо было бы парню спрятаться – а то щас такое начнется! Антуан немедленно проникся, подхватил кандалы и усеменил в хибару. Пропустив его, Иван, крадучись, вышел во двор.

Четверо охранников сидели в беседке, расположенной на противоположном конце двора, и делали вид, что читают свежие газеты, привезенные Артуром, – в присутствии главаря банды никто не осмеливался играть в карты или развлекаться каким-то другим способом. Мгновенно оценив обстановку, Иван досадливо крикнул – отсутствие пятого «индейца» значительно осложняло ситуацию. Возникла также неудобственность несколько иного плана: аккуратно за беседкой стоял Артуров джип. Надо было перемещаться, выбирая более удобный сектор обстрела, – джип Ивану был нужен.

Спрятав автомат за спину перпендикулярно земле, он приставными шагами двинулся влево, не сводя глаз с охранников. Оставалось еще метров пять до намеченной точки, когда один из «индейцев» посмотрел в его сторону и, толкнув локтем соседа, удивленно что-то воскликнул, указав пальцем на ноги пленника.

– Точно, нету кандалов, – со злостью подтвердил его догадку Иван, большой кошкой прыгая влево, и, оттолкнувшись в одно касание обеими ногами от земли, нырнул шучкой вперед, таким образом покрывая оставшееся до нужного места пространство. Выходить в полуприсед из кульбита он не стал – катастрофически не хватало времени. Шустрые «индейцы» в беседке успели вскочить на ноги и теперь щелкали предохранителями. Распластавшись на земле, Иван легонько повел стволом в их сторону, плотно вдавил металлический приклад «АКСУ» в плечо и нажал на спусковой крючок. Содержимое магазина, как положено, вылетело за три секунды: «индейцы» завалились на стол, причем трое из них дисциплинированно застыли в неподвижности, а четвертый корчился в страшных судорогах, оглашая двор нечеловеческими криками.

– Щас, щас, братан, я быстро, – скороговоркой выпалил Иван, стартуя с места и мчась к беседке, – ленивый Махмуд таскал с собой только один магазин, присоединенный к автомату, не желая обременять себя лишней тяжестью. Добравшись до первого попавшегося автомата, Иван поменял магазины и выстрелом в голову прекратил мучения смертельно раненного.

– Ну вот – минус пять, – констатировал Иван, присев за бортиком беседки и озираясь по сторонам. – Один остался...

В джипе кто-то тонко завыл. Иван подскочил к машине и рывком распахнул переднюю дверь, направив ствол в салон. На заднем сиденье скрючился Жюльен – переводчик тряся от страха и тихонько подвывал.

– Не зацепило? – брезгливо спросил Иван. – Да не вой – все в норме!

Жюльен в ответ помотал головой – нет, не зацепило.

– Пятый где? – деловито поинтересовался Иван. – «Индеец» еще один – где?!

– Туалет, – тихо прошептал Жюльен. – Он туалет...

Иван мгновенно развернулся и взглядом сосчитал автоматы в беседке. Пять стволов имело место – лишний, заботливо прислоненный к столбику, так и стоял, дожидаясь хозяина.

– Очень приятно, – похвалил Иван, направляясь к уборной, располагавшейся неподалеку от беседки.

– Руки за голову – выходи! – скомандовал он, подойдя к уборной на пять шагов. – Без шуток только – а то...

Дверь уборной тихонько скрипнула – во двор вышагнул пятый охранник, ненавидяще глядя на Ивана и не делая попыток приподнять сползающие штаны.

– Че ж ты, воин, весь бой в сральне просидел? – укоризненно попенял ему Иван. – Надо было выйти и умереть, как положено мужику... Штаны застегни! И пройди два шага вперед. Быстро! – «Индеец» все послушно исполнил. Вскинув автомат, Иван короткой очередью перечеркнул жизнь последнего охранника и, поморщившись, пошел вновь менять магазины.

– Ты! Ты убил безоружного! – петушиным всхлипом прорезался Жюльен, вылезая из джипа. – Он не нес в себе угрозы! Ты что, не знаешь кодекса...

– Это бандит, – поправил Иван, рассовав по карманам магазины и направляясь к хибаре пленных. – Он грабил, убивал и насиловал. Я совершил правосудие – и только.

– Зачем тогда ты позвал его из туалета? – удивился Жюльен. – Стрелял бы через дверь – не надо было бы смотреть ему в глаза...

– Он бандит, но воин, – обернулся Иван. – И я – воин. Если у меня есть возможность не торопиться, я никогда не стану убивать воина в сортире. Умереть на говне – это запахло...

За то короткое время, что Иван отсутствовал, Артур успел прийти в себя – он сидел на корточках возле поверженного Махмуда, держался за голову и стонал, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Пошли – не хер стонать, – пригласил Иван, надевая на левое запястье командира «индейцев» наручник. – Подвезешь меня до «нейтралки». Будешь хорошо себя вести, отпущу. Давай, пошли!

– Ты убил моего брата, капитан, – тихо выговорил Артур, скривив лицо в мучительной гримасе. – Ты представляешь, что ты сделал?

– Да, я убил... я вообще – всех убил, – признался Иван. – Я же тебя предупреждал – отпусти. Ты не отпустил. А мне некогда – надо в Беслан поспеть на вечерний борт. Пошли! – и дернул за наручник, поднимая Артура с земли.

– Ты представляешь, что ты наделал? – не унимался Артур. – Ты же теперь труп, капитан... Осталось тебе досидеть один день... Капитан, чтоб ты сдох, какой же ты дурак, а! Один день! Только один!!! Идиот... А теперь у тебя целый род в кровниках – ты понимаешь это? Весь род Бекбулатовых – твои кровники...

– Сочувствую, – равнодушно произнес Иван. – Роду вашему... Давай пошли, не хер тут мне сказки рассказывать, – и выволок Артура во двор.

– Никуда не пойду, – отказался главарь «индейцев», падая у входа на задницу и слабыми руками цепляясь за боковой косяк. – Мочи прямо здесь – хер ты от нас выберешься, придурок...

– Ты сильно ударился башкой, – озабоченно пробормотал Иван. – И ничего не соображаешь, братишка... Если я тебя грохну, как ваш род узнает, что я – их кровник? И потом. Если ты умрешь сейчас, то не сможешь мне отомстить. А я ведь вернусь скоро в ваши горы – так что... Ну, поехали?

– Что-то плохо мне, – секунду поразмыслив, Артур изменил тактику. – Я с тобой поеду, только дай немного отдохнуть, а то...

– Все, надоел, – резко оборвал его Иван, пристегивая второй наручник на свое правое запястье, и волоком потащил возмущенно протестовавшего Артура к джипу. – Некогда мне тут с вами. Мне на бесланский борт успеть надобно...

Глава 4

Как ни странно, Адольф Мирзоевич почему-то не умер. Хотя, по идее, обязательно должен был отдать концы – не от удара молнией, так от последующего скотского обращения соратников по дурцеху. Как потом выяснилось, его доставили в приемный покой областной больницы только спустя три часа после происшествия: как обычно, сначала искали бензин для дурдомовского «ЗИЛа», затем искали водителя, потом – другого водителя, поскольку первый был совершенно неупотребим в профессиональном аспекте ввиду ударного поглощения спиртосодержащих продуктов. Затем, уже в палате интенсивной терапии, совершенно трезвые врачи долго не могли взять в толк: а что же, собственно говоря, случилось? По версии доставивших Пульмана санитаров, можно было предположить, что Адольф Мирзоевич пострадал то ли от удара молнии, то ли от удара ноги Обтрухаэсаса, то ли просто звезданулся с трубы – а может быть, все сразу, в совокупности. Так и не придя к консенсусу, врачи вынесли однозначный вердикт – не жилец как пить дать. Однако на всякий случай Пульмана реанимировали как придется и оставили в реопалате под системой – решили утром, на перемене, посмотреть, что из этого получится.

Спустя пару часов наш герой пришел в себя и страшно удивился тому, что находится не там где положено. Так и не сообразив, что с ним случилось, психотерапевт успокоиться и законопослушно болеть дальше не пожелал, а, напротив, пришел в дикую ярость. Вооружившись штативом из-под капельницы, он грамотно и методично уничтожил оборудование палаты интенсивной терапии, выскочил в приемный покой и потребовал у дежурной сестры свой рабочий халат с выданной накануне зарплатой – иначе все! Старушка, заикаясь и бледнея, растерянно сообщила, что тем, которые в реопалате, не полагается ничего отдавать. В ответ больной замахнулся штативом и зарычал – несчастная мгновенно впала в сомнамбулическое состояние, остекленела взглядом и вернула требуемый предмет туалета, даже не удосужившись спросить – отчего именно только халат, а не всю одежду сразу. Завладев халатом, доктор, как был в одних труселях, промчался по коридорам клиники, повергнув пребывающий в полудреме персонал в состояние шока, и вырвался на улицу. Уже светало, дождь почти прекратился, и часа через три нужно было сдавать дежурство – начальство строго следило за соблюдением трудовой дисциплины. Поймав такси, Адольф Мирзоевич покатил в Приютное.

Прибыв на место, он отдал таксеру практически все, что у него было в карманах, – а оказалась там всего лишь четверть положенной суммы, остальные деньги куда-то исчезли. Однако на это обстоятельство Адольф Мирзоевич почему-то совсем не обратил внимания, зато очень обрадовался, узнав, что в клинике никто не пострадал за время его отсутствия, а вредоносный Обтрухаэсас, сволота чухонская, жив и здоров.

Оказалось, что в момент вхождения молнии в контакт с черепом психотерапевта шизоид козлом сиганул с трубы и, благополучно промазав мимо растянутого внизу брезента, приземлился в лопухах, насмерть зашибив дурдомовского пса Дуана, который там прятался от дождя. Как ни странно, сын латышского стрелка ничего себе не повредил – а ведь высота, согласитесь, весьма приличная, двенадцать метров все же, это вам не с крыльца звездануться! Согласно показаниям очевидцев, латыш, проследив, как ударенный молнией дежурный врач шмякнулся на брезент, вдруг разом успокоился, облегченно вздохнул и, довольно хихикнув, промямлил: «Ну, то-то же...» – после чего самостоятельно удалился к себе в палату, где погрузился в совершенно здоровый сон. Против обыкновения санитары бить его не стали: то ли удивлены были чрезвычайной странностью происшествия, то ли просто забыли в суматохе.

Доложив утром заведующему клиникой о случившемся, Адольф Мирзоевич убыл на рейсовом автобусе домой, где принял душ и лег спать со спокойной совестью. Более никаких следов странного инцидента не запечатлелось в памяти народной, и событие это само по себе вроде бы никак не повлияло на ход истории. О происшествии на трубе, конечно, немного посудачили в клинике, злобно высмеивая Пульмана как первостатейного недотепу и конченого неудачника. Однако ни руководство клиники, ни персонал областной больницы волну поднимать не стали. Это было просто возмутительно! Создавалось такое впечатление, будто в Ложбинской области чуть ли не ежедневно дежурных по дурдому дюбашит в темечко молния, тихопомешанные шизоиды без особых последствий сигают с высоты четырехэтажного дома, а доставленные в реопалату товарищи, получившие в общем-то совсем летальную травму, спустя пару часов как ни в чем не бывало убираются восвояси, ломая по ходу дела оборудование и изрыгая выражения из арсенала ненормативной лексики. А может, просто погода благоприятствовала всеобщему попустительству или хронические неплатежи, отнюдь не способствующие возрастанию служебного рвения, – одним словом, сенсации не получилось...

Пульман и сам особого значения тому, что с ним приключилось, не придавал – единственное, что его огорчило, так это то обстоятельство, что за суматохой и хлопотами он забыл умыкнуть из дурдомовского пищеблока кусок мяса и буханку хлеба. Будучи дежурным, он всякий раз проделывал подобные фокусы, однако вовсе не потому, что был отъявленным крохобором – нет, что вы! Врачебная этика и гордость при этом акте частичного обездоливания скорбных рассудком где-то в глубине души психотерапевта отчаянно сопротивлялись такому гадкому деянию. Но зарплату врачам клиники давали раз в квартал, а то и реже, а кушать отчего-то хотелось ежедневно – и не по одному разу в сутки...

Проснувшись как раз к обеду, Пульман продрал глаза и спросил глуховатую маман:

– А почему это едой не пахнет? Обедать вроде бы пора!

– А ты ее принес, еду?! – нервно вскинулась Марта. – Получку где дел, сволочь?! Триста грамм гидрожира осталось – на, жри, паскуда!

Тут Пульман мгновенно вспомнил, что с ним произошло, и только теперь сообразил: еду купить не на что! Метнувшись по карманам своего неизобильного гардероба, Адольф Мирзоевич наскреб что-то около пятнадцати рублей и, не умываясь, отправился на близлежащий базар: на имеющиеся средства можно было приобрести пару кило картошки и буханку хлеба.

Неторопливо передвигаясь в направлении базара, Пульман отвлеченно размышлял о чем попало – ему почему-то и в голову не пришло проанализировать все странности недавнего происшествия, хотя оно того вполне заслуживало. Как образованный медик, Адольф Мирзоевич прекрасно понимал, что подобный удар молнии должен был завершиться летальным исходом – несть числа тому примеров в одних только хрестоматийных данных! Но сейчас его это совершенно не беспокоило. В отличие от обычного своего состояния после ночного дежурства психотерапевт в тот день испытывал необычайный физиологический всплеск и бодрость духа – будто бы и не было бессонной ночи с дурацкими приключениями и последовавшего затем дневного сна, который, как правило, чреват был головной ломотой и суицидонаправленными измышлениями. Напротив, Адольфа Мирзоевича ни с того ни с сего вдруг обуяло прекрасное настроение – он даже фальшиво засвистал какой-то разухабистый мотивчик иноземного происхождения.

Добравшись до базара, Пульман не стал углубляться в людскую толчею, а купил у стоявшей на отшибе бабки пару кило мягкой оволосевшей картошки. Пока торгашка отмусоливала сдачу, доктор по причине хорошего настроения решил пошутить:

– А знаешь, бабка... Со вчерашнего дня новый указ Президента вышел: за то, что картошку тут продаешь, всю выручку должна плешивым отдавать. А я – видишь – плешивый! Хи-хи... Так что – делай выводы, красавица моя! Хи-хи...

Бабка вдруг перестала считать облупившиеся железяки, остекленела взглядом и, вытаскивая из передника ворох мятых купюр, молча протянула их покупателю.

Вздрыгнув от неожиданности, Адольф Мирзоевич судорожно дернул острым кадыком, воровато оглянулся по сторонам, после чего забрал у старухи деньги, быстро засунул их в карман штанов и тут же торопливо удалился к базарному входу. На случившееся никто, похоже, не обратил внимания: остальные торговки были заняты покупателями, да и стояла бабуся на некотором удалении от общего ряда.

Какое-то время Пульман, весь мгновенно вспотевший от странного предчувствия, внимательно наблюдал за бабкой, добровольно расставшейся с выручкой, и соображал. Будучи психотерапевтом, он не избежал повального поветрия, с некоторых пор вошедшего в моду, и довольно долго увлекался разнообразными психическими процессами запредельного характера. О гипнозе он знал практически все, чем располагали доступные обществу источники информации. Более того, в свое время Пульман неоднократно экспериментировал на пациентах, втуне горячо надеясь, что где-то у него внутри в самой глубине дремлет могучий гипнотический талант, который случается раз в столетие на пару континентов – дремлет и ждет своего часа, чтобы в один прекрасный момент с треском вырваться наружу и поразить всех наповал. Увы – надеждам не суждено было свершиться. Летели дни за днями, проходили годы – талант не проявлялся никоим образом. Придурковатые пациенты Адольфа Мирзоевича чихать хотели на его гипнотические потуги, несмотря на то что психотерапевт в совершенстве изучил всевозможные методики и соответствующим образом пытался использовать обстановочные факторы: полумрак, успокаивающие тона, сандаловые свечи, музыку медитативного характера и так далее. Убедившись со временем в тщетности своих попыток, Пульман бросил это дело – к чему напрасные надежды? Только душу травить...

И вот ни с того ни с сего совершенно левая бабушенция, безо всякой подготовки и потуг с его стороны, вдруг взяла и добровольно вломилась в гипнотическое состояние! Вот так номер... Сказать, что Адольф Мирзоевич был ошарашен – значит сильно поскромничать. Он был просто потрясен до глубины души и совершенно растерялся, даже отдаленно не предполагая, каким образом теперь нужно поступить.

Справившись с приступом удивления, доктор отер пот со лба и еще раз внимательно присмотрелся к бабке. Та, будто ничего не произошло, лузгала семечки и читала мятый «СПИД-Инфо». Черт! Что же это такое? Случайность? А если не случайность – тогда что?

Подавив волнение, он приблизился к старухе и тихо спросил:

– Ты меня помнишь, бабуся?

Бабуся оторвала взгляд от журнала, без малейшего интереса посмотрела на психотерапевта и огорошила:

– А то... Ты ж токо что у меня картошку брал! Как не помнить?

– Ага, понял. – Адольф Мирзоевич судорожно вздохнул. – А это... эмм... А сколько я тебе денег дал – помнишь?

– Дык – восемь рублей, – удивилась бабка. – У меня склероза нету, родимый, – ты что это?!

– А ты мне сколько отдала? – не унимался Пульман. – Сколько сдачи?

– Дык... всю выручку, что за полдня наторговала, – как ни в чем не бывало сообщила бабка – будто это были вовсе не ее деньги, кровно заработанные.

– Зачем же ты мне всю выручку отдала? – очень тихо спросил Адольф Мирзоевич. – Или не жалко?

– Дык – закон вышел! – Бабка сердито пожала плечами и нахмурилась. – Указ президентский: всю выручку с картошки плешакам отдавать. А ты как раз и есть плешак. И вообще – чего ты ко мне приколупался, родимай? Шел бы себе...

– Хорошо, бабуся, – сдался Пульман. – Хорошо... Вот что, я сейчас отойду, а ты, как только я подойду к выходу, три раза хлопнешь в ладоши и тут же забудешь про наш с тобой разговор. А деньги ты потеряла. Ферштейн?

– Ладно, – спокойно согласилась бабка.

Пульман трусцой припустил к рыночным воротам и у входа воровато обернулся: бабка, провожавшая его пристальным взглядом, три раза хлопнула в ладоши и с видимым безразличием отвернулась. Спустя несколько секунд правая рука ее привычно скользнула в карман, и тут произошла метаморфоза: лицо торговли мгновенно приняло озабоченное выражение, она начала суетливо рыться в переднике, что-то причитая и горестно пожимая плечами.

– Ну-ну, – озадаченно пробормотал Пульман. – Чертовщина какая-то...

Отойдя подальше, он остановился и украдкой пересчитал добытые средства. Получилось немногим более двухсот новых рублей.

– А проверим-ка мы это дело, – недоверчиво буркнул себе под нос Адольф Мирзоевич, озирая окрестности в поисках очередного объекта воздействия. Внимание психотерапевта привлек крайний в ряду ларек с импортной дребеденью, возле которого никого не было. Подойдя поближе, Пульман разглядел в окошке видимую треть смазливой молодой бабенки, которая от нечего делать пилила ногти.

Стараясь дышать как можно ровнее, Адольф Мирзоевич мелкими шажками начал приближаться к киоску, прогоняя в уме возможные последствия своего последующего действия.

– Ты одна, красуля? – затаив дыхание, поинтересовался он, приблизившись на дистанцию, исключаящую отступление, и тут же мучительно покраснел: с барышнями, тем более молодыми и смазливymi, он разговаривать стеснялся, поскольку остро ощущал при этом свою неполноценность.

– Ну, одна, – грубо ответствовала барышня, одарив вопрошающего крайне недружелюбным взглядом. – Чо хочу?!

– Хочу, хочу, – уверил ее Пульман. – Ну-ка, быстренько... эмм... На окошко нацепи табличку «Обед», а меня... эмм...пусти к себе. Живо! – Выговорив наконец эту мучительную тираду, Адольф Мирзоевич страшно напрягся и уж было изготавился заискивающе разулыбаться и немедленно драпануть – ведь эта особь с явно выраженными чертами рыночной хищницы от безобидной бабки сильно отличалась и вполне могла разродиться страшным скандалом с далеко простирающимися последствиями типа экстренного вызова плечистых пацанов из Центральной бригады или еще чего-нибудь в том же духе.

Особь на секунду задумалась, затем выставила табличку, сама, безо всякого дополнительного распоряжения, задернула шторы на окне и распахнула дверь, впуская гостя. Переступив через порог, Адольф Мирзоевич севшим от напряжения голосом прохрипел:

– А теперь запри дверь, красуля, – что было немедленно исполнено. Обозрев интерьер, Пульман заметил, что у хищницы все в норме, как положено экзemplярам данного разряда: грудь торчком, ноги от ушей и задница – в обхват.

– Эээ... ммм... – От волнения у него затряслись руки, а сердце забухало о грудную клетку мощными скачками, грозя в любой момент выскочить наружу. – Эмм... У тебя того... это... ну – венерические заболевания есть? Нету? – выдавил он через силу и покраснел – стыдно стало отчего-то.

– Ага, нету, – утвердительно кивнула барышня и не в тему добавила: – Я с кем попало не трахаюсь – Вовец башку оторвет! Это у него моментом.

– Ага, ага... эмм... – Пульман пристукнул кулачком о прилавок. – А у тебя... эээ... того – сейчас месячных нету? – и не то чтобы покраснел, а даже побагровел от напряжения.

– Нету месячных, – отозвалась барышня, в отличие от него ничуть не смутившись.

– Тогда вот что... Вот что... эмм... – Пульман наконец собрался с духом и теперь уже отчетливо выпалил: – Я очень-очень – ну просто невероятно красивый и страшно сексапильный мужик! Два метра ростом, могучие плечи, огромный член – просто невероятно огромный! Я тот, о ком ты мечтала всю свою сознательную жизнь! Поняла? Я – твой идеал! И вот – я здесь... Ты поняла?

– Да, поняла, – прошептала барышня и вдруг тяжело задышала – прямо так, без перехода, словно ее три дня вхолостую ласкали по чем попало и не давали заполучить оргазм. Крепко вцепившись в худые психотерапевтические плечи, распаленная торгашка страстно прорычала: – Любый мой! О-о-о-о! – и залепила узкий рот обольстителя смачным поцелуем, тут же принявшись тереться о Пульмана всеми своими ухищрениями.

– Ах... Ах... Ах... – еле высвободив рот, Пульман судорожно глотнул воздуха и с огромным трудом пристроил дамочку на прилавок – благо тот оказался совсем невысоким. – Щас-щас... щас... – Трясаясь от возбуждения, Адольф Мирзоевич кое-как разоружил потный лобок извивающейся страдальницы и, изловчившись, с всамделишным рыком вставил свое малокалиберное орудие в огнедышащую расщелину, отметив мимоходом, что для первого раза получилось довольно сносно.

– У меня огромный – невероятно огромный член!!! Ты получаешь колоссальное удовольствие! Просто фантастическое удовольствие! Я самый страшный половой гигант – я просто маньяк! Я – тот, кого ты ждала всю жизнь! – заполошно выкрикнул он и быстро-быстро задергал тазиком – словно отбойный молоток заработал.

Буквально через пятнадцать с половиной секунд с момента проникновения последовала разрядка: Адольф Мирзоевич дернулся, будто ударенный током, сладострастно крикнул и обмяк. А хищница, пластично зажав его ногами, задушенно взревела:

– Ооооооаа-а-ауссе!!! Ах – ах – ах – оууу!!! Родимый мой! Я люблю тебя – люблю! О Чикатило ты мой! Чикатило... – и принялась исступленно обцеловывать адольфомирзоевическую мокрую плешь.

Испуганно вырвавшись из жарких объятий, Пульман недоуменно уставился на распоясавшуюся красавицу:

– Не понял! Кто-кто?

– Чикатилллааа!!! – томно протянула хищница и вновь потянулась к Пульману. – Я о тебе всю жизнь мечтала! Режь меня, души меня – я твоя!

– Но-но, полегче! – прикрикнул Пульман и опасливо отступил к двери, поспешно застегивая штаны. – Извращенка, блин... Ха! Все кончилось – нет никакого Чикатилы! Заправься – ничего не было у нас с тобой.

– Ладно, – покорно согласилась извращенка, томно улыбаясь и профессиональным жестом вытягивая откуда-то из-под прилавка запасные трусики. – У нас ничего не было...

Адольф Мирзоевич поморщился, вдыхая аромат распаренного женского тела. Сейчас это получилось раз в пять хуже, чем при виртуозных актах мастурбации. Только страшное возбуждение и почти моментальная разрядка – подлинного наслаждения не было вовсе.

«Так себе... Слабое подобие левой руки», – отметил про себя Пульман, а вслух сказал:

– Вот что, красотуля... Я сейчас отсюда выйду, а как закроется дверь, ты тут же забудешь, что здесь произошло. В общем, ты меня никогда в жизни не видела. Ферштейн?

– Ага, – согласилась барышня. – Я тебя не видела. Ферштейн.

– Ну и прекрасно, – пробормотал Адольф Мирзоевич и, немного посомневавшись, напихал в авоську с картошкой всяких дорогих нерусских дрянностей, что были на полках – сколько влезло. Затем выгреб из стола все имеющиеся в наличии деньги, рассовал их по карманам и покинул ларек.

Хлопнув дверью, он некоторое время постоял рядом, прислушиваясь к своим ощущениям, затем подошел к окошку и постучал. Шторки разъехались в стороны, табличка «Обед» исчезла, и в оконном проеме показалось смазливое надменное личико.

– Чего хочу? – высокомерно поинтересовалась продавщица, окинув невзрачную фигуру психотерапевта безразличным взором.

– Во бляха-муха! – восхитился Адольф Мирзоевич. – Прямо Мона Лиза, мать твою так! Такая надменность, такая величавость...

– Чо хочу?! – с ноткой агрессии спросила «надменность». – Говори или отваливай, чудик. Холодильника нет – напитки теплые.

Адольф Мирзоевич хотел было возразить, что насчет холодильника «красуля» явно врет – пару минут назад он больно стукнулся костистой задницей о ручку «Аристана», каким-то чудом втиснутого в тесное пространство ларька и исправно гудевшего. Но тут же сообразил, что по сценарию ему таких вещей знать не положено, и перешел к делу.

– А ты меня не припоминаешь, красуля? – хитро прищурившись, спросил он. – Ну-ка, присмотришься повнимательнее.

Продавщица некоторое время подозрительно рассматривала психотерапевта, затем неуверенно предположила:

– Ты не из РУОПА?

– Не-а! – Пульман лукаво подмигнул барышне. – А ты подумай хорошенько, подумай...

– К братве ты никаким боком... А! Ты кореш базаркома. Так? – почти утвердительно произнесла продавщица.

– А вот и нет! – опроверг ее Пульман и торжественно заявил: – Я епарь-перехватчик! Ну что – не помнишь?

– Чего?! Епарь?! – Барышня вдруг побагровела и взорвалась залиvistым хохотом, – видимо, сообщение Адольфа Мирзоевича о своей принадлежности к такому славному отряду мужской половины человечества выбило ее из колеи. – Ой-ха-ха-ха!!! Ой, умру! У меня на твой размер импортный призер есть – как раз с руками и ногами залезешь! Башка только и останется – такая тыква ни в один призер не поместится! Ха – епарь! – Вдоволь насмеявшись, хищница внезапно рассвирепела и сурово посоветовала самозванцу: – Пошел отсюда, мудака, а то щас пацанов позову! Вали давай, недоделанный...

– Ну-ну, – загадочно усмехнулся Адольф Мирзоевич, ничуть не обидевшись, и действительно пошел. Пошел вон с базара, неизвестно кому бросив напоследок: – Ничего... Теперь вы у меня все попляшете...

Собственно, с того дня все и началось. Будучи совсем неглупым от природы, психотерапевт первым делом внимательно изучил всю попавшуюся под руку литературу, так или иначе раскрывающую суть аномальных явлений, аналогичных тому, которое приключилось с ним. Разобравшись с теорией и всесторонне проанализировав ситуацию, он не стал приписывать свой внезапно свалившийся невзгод откуда дар благодати божьей, а запросто увязал данный факт с ударом молнии – иного разумного объяснения в обозримой видимости не обнаружилось.

Покончив с теорией, Пульман взял отпуск за свой счет и что-то около месяца развлекался на разные лады, опробуя чудо на практике и систематизируя накапливаемую информацию. Получалось довольно сносно, если не учитывать маленький нюансик: чудо оказалось не стопроцентным. И хотя очень многие подопытные в самом начале контакта добросовестно впадали в гипнотическое состояние и делали все, что было приказано, но некоторые особи как мужеска, так и женска пола влиянию Пульмана не желали поддаваться вовсе. Данных товарищей Адольф Мирзоевич отклассифицировал как особым образом организованный отряд типов. Это были сильные волевые люди, привыкшие командовать другими и обладающие мощным морально-психологическим потенциалом, позволявшим им превали-

ровать над остальными. К большому прискорбию, чаще всего именно эти товарищи сидели у рычагов управления обществом и своим нежеланием подвергаться охмурению со стороны психотерапевта пассивно мешали ему стремительно взлететь на самый верх лестницы благополучия. Несколько раз обмишулившись, он немного погоревал и через определенное время с начала своей исследовательской деятельности вывел систему отбора объектов воздействия и стал работать более тонко, с научным подходом. К счастью, в любом учреждении находились товарищи, легко впадающие в гипнотический транс, стоило новоявленному Кашпировскому глазом моргнуть. Оставалось лишь умело определить тип очередного подопытного и степень его внушаемости – а это Адольф Мирзоевич, слава богу, умел делать в совершенстве – недаром столько лет общался с шизоидами.

Решив, что развлекаться мелкими пакостями он будет беспрельдно долго, Адольф Мирзоевич ошибся. Уже через два месяца ему наскучило пробавляться обкрадыванием ларьков, скоротечными совокуплениями с разнообразными дамами, поддающимися его влиянию, и вялотекущим улучшением своего общественного положения. За эти два месяца психотерапевт, манипулируя различными чиновниками, умудрился занять пост заместителя заведующего клиникой, переехал в трехкомнатную квартиру улучшенной планировки, пристроил глуховатую маман в привилегированный дом престарелых и все чаще стал подумывать о своем месте в обществе.

Надо было определиться в плане дальнейшего функционирования и наметить пути последующего продвижения по лестнице общественного положения. В процессе раздумий Пульман приобрел компьютер последней модификации, научился на нем работать и зарегистрировался в сети Интернета, рассудив, что для персоны вселенского масштаба, каковой он себя вполне искренне почитал, компьютер необходим как воздух: во всех зарубежных фильмах эти самые персоны то и дело чего-то там небрежно наяривали на клавиатуре – в перерывах между заседаниями сената, перестрелками и многочисленными любовными актами на лоне природы.

Кратко сойдясь с компьютером и получив доступ к сети, Адольф Мирзоевич начал накапливать информацию и систематизировать ее по различным категориям: прежде чем определиться в плане направления дальнейшей деятельности, он, будучи прагматиком, решил всесторонне изучить ситуацию, дабы не впасть в заблуждение и не пойти по ложному пути.

Не прибегая к помощи сильнодействующих нейрорептиков и орудиям пыток, он за довольно короткий промежуток времени побывал везде, где только можно: вознесся наверх и прошелся там туда-сюда, походя узнав все, что требовалось, затем опустился на самое дно общества и вдоволь поползал там по темным закоулкам. Вскоре наш скромный психотерапевт обладал таким количеством информации, которое вряд ли по силам добыть десятку следственных бригад из самых серьезных ведомств. Все более-менее выдающиеся личности, проживающие в Ложбинске и его окрестностях, нашли место в памяти компьютера новоявленного исследователя – далее Ложбинской области его чаяния пока что не простирались, поскольку Пульман прекрасно осознавал правоту народной мудрости: не сразу Москва строилась, и всему свое время. Да, надо заметить, что Адольф Мирзоевич при сборе информации отдавал предпочтение фактам самого негативного характера: можете мне поверить, никто из господ, являющихся объектом его пристального внимания, совсем не обрадовался бы, узнав, что на них имеется такое вот однобокое досье нештатного свойства.

В процессе данной работы Адольф Мирзоевич с удивлением обнаружил, что ранее пребывал в неведении относительно ситуации, сложившейся в обществе. До этого психотерапевт существовал в замкнутом узком мирке: дурдом, хрущоба, дорога туда – обратно. А тут перед ним открылись такие дебри! Вот уж права старая пословица, которая гласит: «меньше знаешь – лучше спишь». Страшные истины разверзлись перед исследователем, волею слу-

чая выкарабкавшимся из своего тесного мирка. Оказалось, например, что все, кто чего-то покупает в различных торговых учреждениях, исправно платят дань разномастному рэкету во всевозможных его проявлениях. Получалось – грубо, конечно, – что если бы этот рэкет аннулировать, то бутылка водки, палка колбасы или растаможенная иномарка, а также любой другой продукт общественного спроса стоили бы вполтину дешевле!

В Ложбинской области рэкет был представлен в виде хорошо организованных бригад, которые контролировали все имевшиеся в наличии «земли» и виды деятельности, где что-то продавали, перевозили, приобретали, а также удовлетворяли тем или иным способом какие-то пагубные страсти широких масс. Иными словами, рэкет господствовал везде, где присутствовала любого рода деятельность, дававшая хоть какую-то прибыль.

Бригады состояли из неслабо вооруженных людей спортивного телосложения, которые обладали специфическими навыками, не желали трудиться в поте лица, но хотели хорошо жить. Эти товарищи, в свою очередь, содержали «крышу»: представителей правоохранительных органов, чиновников и деятелей разного уровня, от которых в этом мире что-то зависит. И так – по вертикали, от цветочного ларька и пайки анаши – до самого верха, куда и смотреть-то страшно, голова может закружиться! Поскольку бригады хорошо кормили чиновную «крышу», эта самая «крыша» была кровно заинтересована в их прилежном функционировании и неприкосновенности со стороны закона, а потому, сами понимаете, блюла интересы членов «бригад» и не давала их в обиду. Получался замкнутый круг: те зависели от этих и наоборот, а все они совокупно сосали кровь из народа, серой скотинки.

Данное обстоятельство поразило Адольфа Мирзоевича, и существующий порядок вещей показался ему чудовищно несправедливым и порочным. Выходило, что за деньги можно все купить и от всего откупиться. Закон, декларативно одинаковый для всех, на самом деле был суров только к народу, серой скотинке, – для привилегированной касты рэкетиров его не существовало вовсе.

Справедливости ради надо заметить, что изначально Адольф Мирзоевич отъявленным негодяем не был – даром, что маленький и вредный уродился. Ознакомившись с хитросплетениями общественного уклада, имевшего место на настоящий момент, он глубоко возмутился и вознегодовал.

И, повозмущавшись вволю, скоропалительно решил бросить все силы и вновь обретенный талант на борьбу с существующим порядком вещей. Как водится у прагматиков, Пульман тут же начал разрабатывать план борьбы и продумывать методы его претворения в жизнь. Вскоре, однако, перед плановым борцом всплыло несколько ма-а-а-аленьких нюансов, которые поставили его в тупик, заставив переосмыслить первоначальный порыв, бывший скорее следствием всплеска здорового социального негодования, нежели проявлением жизненной позиции.

Во-первых, он безумно хотел быть лидером. Что с того, что он маленький и уродливый, – разве Судьба не подбросила ему необычный дар, ставя тем самым в исключительное положение? История знавала немало случаев, когда товарищи с аналогичной антропометрией – и без всякого дополнительного таланта, между прочим, – становились значительными политическими фигурами мирового масштаба и некоторое время неплохо держались. А уж с талантом – сам бог велел!

Итак, Адольф Мирзоевич желал быть лидером. И не просто лидером, а самым-самым, сверх всяких понятий, короче – супер! Этого требовало его ущемленное самолюбие, которое предписывало каким-то образом компенсировать длительный моральный аут, в каком психотерапевту пришлось пребывать большую часть сознательной жизни. Попрать все общественные понятия о ценностной значимости отдельно взятого индивида, как следует из исторической практики, можно было только в одном случае: необходимо было вознестись

на невиданную высоту, где внешний вид не играет роли, а имеют значение только положение персоны и неограниченная власть над остальными особями низшего разряда.

Помимо этого, Адольф Мирзоевич страстно мечтал, чтобы его любили, благоговели перед ним, преклонялись и вполне искренне восхищались его исключительностью – следствием необычайной одаренности. Тут как раз, весьма некстати, банк «Империял» погнался по ящику очередной рекламный клип – помните, может быть, такой – про императора Конрада, который гордо ходит себе среди своих железных воинов – этаким всемогущий повелитель и судьбоносный тиран. Так вот – разгуливает он себе среди воинов, а из крепости выходят разнообразные телки в хорошей одежде: Конрад разрешил им с миром удалиться и забрать с собой самое ценное, что могут унести на себе. А они, дуры недоделанные, тащат на закорках травмированных мужиков в железяках. Представляете?!

Этот клип посеял в душе Адольфа Мирзоевича страшное смятение. Ему отчаянно захотелось быть таким, как этот Конрад: надменно гулять туда-сюда среди бесстрашных воинов, готовых по легкому мановению монаршей длани ринуться в атаку. Он неоднократно представлял себе, как бы смотрелся в роли Конрада. Если приклеить парик и надеть туфли на высоких каблуках, получалось очень недурственно. Вот только с телками он поступил бы несколько иначе – не отпустил бы их на все четыре стороны, как это сделал туповатый и сентиментальный Конрад, растрогавшийся видом дворянок, прущих на себе мужей. О-о-о, Адольф Мирзоевич прекрасно знал, как следовало с этими дамами поступить! Он бы приказал им сложить травмированных мужиков штабелем у стен крепости, а самих загнал бы в свой лагерь на пару часиков и там всех этих герцогинь Гревских и иже с ними во всех ракурсах – оп-па-па!!! У-дя-дя-дя!!! А потом пусть себе берут своих мужиков и тащат куда захотят. Только без железяк – железяки он приказал бы снять. И телкам легче, и стране польза – металлолом... Вот таким лидером хотел быть Адольф Мирзоевич – могучим, отважным и горячо тотально любимым.

Во-вторых, как показывала историческая практика, для хорошей и продуктивной борьбы обязательно требовался солидный передовой отряд единомышленников, способный сплотить и повлечь за собой массы. Выйдя на это обстоятельство, Пульман здорово приуныл. Даже не будучи политологом, он прекрасно понимал, что создать такой передовой отряд в нынешних условиях никак не получится – будь ты хоть семи пядей во лбу и Владимир Ильич в квадрате. Все более-менее развитые и сильные товарищи пребывали по другую сторону баррикад; внушать им идею борьбы с ними же самими представлялось весьма проблематичным, а создавать передовой отряд из алкашей, дебилов, пенсионеров-маразматиков и затюрханных жизнью доходяг-трудоголиков Адольф Мирзоевич не желал, так как прекрасно понимал, что ничего хорошего из этого мероприятия не выйдет.

Не привыкший сдаваться сразу, психотерапевт проявил упорство и полез копать проблему вглубь и вширь. Только зря он это сделал. При детальном рассмотрении проблемы во всех наличествующих аспектах вырисовывалось единственно верное и совершенно абсурдное с точки зрения здравого смысла решение. Требовалось куда-то деть (насовсем) примерно треть населения, причем делать это нужно было в масштабе всей страны, поскольку в отдельно взятом административном районе такая локальная акция успеха не имела бы: соседское отребье моментально ломанулось бы на освободившийся участок.

Хорошенько поразмыслив, Адольф Мирзоевич пригорюнился. Будь у него в распоряжении даже целая банда аналогичных ему гипнотизеров – голов этак сотни в полторы, весь наклеивающийся объем работы они не потянули бы даже при наилучшем раскладе и всеобъемлющем энтузиазме.

Пригорюнившись, Пульман впал в состояние прострации и некоторое время хулиганил: отлавливал в разных местах новых русских, подпадающих под воздействие его чар, и заставлял их безобразничать: голяком отплясывать на морозе, орать непотребности и сово-

купляться прилюдно самыми изуверскими способами; разлаживал работу госучреждений и коммерческих структур, посылая в разные места Российской Федерации вагоны с навозом и мусором и что-то еще в том же духе – долго перечислять, что там наворотила буйная фантазия зарвавшегося психотерапевта. Все эти причуды изрядно взбудоражили общественность Ложбинска и слегка развлекли скучающих обывателей.

В процессе такого вот приятного времяпрепровождения Адольф Мирзоевич, скучавший долгими одинокими вечерами, прочел одну книгу, в которой набрел на избитую в общем-то мысль, никогда прежде ему в голову не приходившую. Разумеется, нечто в этом роде он когда-то где-то слыхивал и даже читал, но не обращал внимания – как-то не до того было. На неделю Пульман залег дома, даже в клинику перестал ходить, и всесторонне обдумывал вновь открывшуюся истину, примеривая ее на себя. А мысль была такова: «...Если мафию нельзя победить, ее нужно возглавить...»

Глава 5

Проститься с матерью Иван все-таки не успел, хотя сделал все, что от него зависело, чтобы прибыть на похороны вовремя. Добрался до блокпоста он на удивление без приключений. Машину Артура, как выяснилось, на территории «соседей» знает каждая собака – никто не посмел остановить их для проверки, так и прошелестели зеленым ходом до самой «нейтралки». И на бесланский вечерний борт тоже попал – братья не дали в обиду: дали водки, дали денег на дорогу; бэтээр дали с группой сопровождения, чтобы домчали капитана с ветерком и припугнули кого надо на аэродроме; дали в рожу назойливому молодому особисту, который при появлении Ивана в родных пенатах моментально пристал к нему и стал задавать дурацкие вопросы... Но после посадки борта в российском порту пришлось добираться на перекладных, потому и не успел, опоздал буквально на несколько минут...

На кладбище была изрядная толпа. Иван, примчавшийся на такси из города, выгреб из кармана горсть бумажек, сунул шоферу, не глядя, и стал пробиваться к могиле, распахивая в стороны людские тела. Кто-то возмущался, кто-то удивленно охал – в основном расступались.

Гроб уже начали засыпать землей. Возле свежей могилы стояли какие-то незнакомые, хорошо одетые люди – явно не местные. Поп Василий уже собрался уходить – дело было сделано. Иван с ходу прыгнул в могилу, гулко ударив кроссовками о крышку гроба, припал всем телом к обитым крепким доскам и завыл дурным голосом.

Землю бросать перестали. Люди возле могилы тихо переговаривались.

– Что за придурок?

– Сын это – Иван...

– А что такой? Тощей, оборванный... Бомжует, что ли?

– Да не... Офицер. Все воюет... Не успел, бедолага.

– Да, докатилась армия... Ну, телеграмму дал бы – придержали бы чуток... Что – трудно, что ли, телеграмму дать было?

– Дак вот же...

– Молчать!!! – дико заорал Иван, задрвав заплаканное лицо вверх. – Молчать, уррроды!!! Гвоздодер дайте! Бегом марш! Гвоздодер!

Те, наверху, не на шутку переполошились. Начали метаться по краям могилы – кто-то пытался вытащить его, цепляя веревкой, на которой только что опускали гроб, кто-то уговаривал не делать глупости...

– Гвоздодер! – непреклонно хрипел Иван, ловко вырвав веревку и бросив ее в могилу. – Крышку открою – посмотрю...

– Чего смотреть-то, дурень?! Ты в своем уме?!

– Посмотрю, как померла, – уперся Иван. – Знаю я эти запечатанные гробы... Цинк матери пришлют, она его хоронит, а потом сын с войны приходит... Или вообще – черт знает что в цинке... Гвоздодер, я сказал!!!

– Святотатство, сынок, – свесилась вниз бородатая личина отца Василия. – Ну что ты в самом деле... Мамке твоей покою не будет... Чего смотреть? Вся деревня знает, как померла... Экспертизу делали – результат есть. Несчастный случай, стало быть...

– Результат? – встрепенулся Иван. – Где результат?

– Пошли, покажу. – Поп поманил его пальчиком. – А ну, хлопцы, лопату дайте! Пошли, покажу результат, у нас тут все чин-чинарем...

Тут же кто-то протянул сверху лопату – Иван, поколебавшись, вцепился в черенок, и его в два смычка вытянули наружу.

– Показывай, – приказал Иван, таращась на попа пустыми глазами. – Где результат? – И крикнул стоявшим с лопатами могильщикам: – Не засыпать, рахиты! Щас вернусь – если что, смотреть будем. Я сам экспертизу проведу! Не засыпать – смотрите у меня!

– Пошли, Ваня. – Поп приобнял парня за плечи и потащил с кладбища. Потом, оглянувшись, подмигнул стоявшим у могилы – засыпайте, мол...

Обширный двор Иванова дома был заставлен столами, богато накрытыми персон на двести – не меньше. У столов суетились соседские бабки, не пожелавшие идти на кладбище: тут было дело поважнее – накрывать, хватать куски с блюд, втихаря пробовать водочку...

– Ты куда меня привел, поп? – подозрительно поинтересовался Иван, брезгливо морщась при виде стаи бабок. – Пошли результат смотреть!

– Да успеется, это у соседа, у Кольки-фелшара, – ласково пробормотал отец Василий, силком усаживая Ивана за стол. – Щас пойдем, погоду маленько... Пока толпа не налетела, быстренько помянем рабу Божию Светлану – по-семейному...

Иван встопорщился было, но поп уже набулькал в граненый стакан до краев, шепотнул скороговоркой, важно закатив глаза: «Грех, грех – что ты!» – и подтолкнул стакан к Ивану. Иван, не поморщившись, опрокинул теплую водку, закусил черным хлебом, вопросительно уставился на попа – тот манерно опорожнил небольшую стопочку и опять набулькал Ивану в стакан.

– Ты че мне наливаешь по столько? – возмутился Иван. – Споить, что ли, хочешь? Сам стопариком...

– Мать-то – твоя, – благостно протянул поп. – Больше ж у тебя никого не осталось в целом свете – окромя дяди двоюродного. Но двоюродный – он и есть двоюродный... Давай! За упокой души рабы Божьей Светланы – пусть земля будет пухом...

Иван опрокинул и второй стакан. Поп, хитро сверкнув глазами, взмахнул бородищей, перегнулся – достал большую миску с голубцами, услужливо пододвинул Ивану. Тот нехотя отковырнул кусок, отправил в рот – и процесс пошел. Организм вдруг сам, помимо воли, напомнил, что давно не питался как следует и так поступать с ним нельзя. Буквально за две минуты Иван расправился с голубцами – желудок страшно урчал, негодуя на столь неучтливое обращение. Борода попа поплыла куда-то вбок, столы накренились – Иван вдруг потерянно улыбнулся, удивляясь неожиданно навалившемуся состоянию опьянения.

– А ведь я пьян, поп, – заплетающимся языком сообщил Иван. – Вот ведь... С двух стаканов утащило... Спойл ты меня! А что – экспертиза?

– Тебе надо, надо тебе, – мудро проговорил отец Василий. – Немного расслабиться надо – а то смотри, совсем озверел, на людей бросаешься... Пошли к соседу – поговорим насчет экспертизы... если получится. – Встав из-за стола, он ухватил Ивана под локоть и повел к воротам, слегка придерживая – твердость походки воина была несколько утрачена.

– А что – дядя? – вдруг встрепенулся Иван. – Ты сказал – дядя? Откуда дядя?

– С города дядя, – пояснил отец Василий. – А вон – как раз едут.

От кладбища к Иванову подворью неторопливо перемещалась толпа. Впереди по дороге пылил джип «Чероки» с тонированными стеклами – кто-то важный не желал идти пешком, хотя расстояние было незначительным. Джип притормозил у ворот, из него вышли четверо: стройный блондин лет под сорок с испитым бледным лицом, за ним здоровенный хмурый мужлан средних лет, а к нему придаток – двое хлопцев с квадратными плечами, бритыми черепами и насквозь дегенератскими рожами – без проблеска.

Блондин подошел к Ивану и с ходу полез обниматься, бормоча что-то утешительное.

– Кто такой? – отстранился Иван, недовольно хмурясь. – Че надо?

– Дак – дядя, – суетливо пояснил отец Василий. – Вот он – дядя и есть.

– Я двоюродный брат Светкин – царствие небесное, – хлопнул носом блондин. – Как узнал – все бросил, прикатил... Горе, в общем...

– Не знаю, – насупился Иван. – Не было никакого дяди сроду...

– Дядя Саша я, – упорствовал блондин. – Мы с тобой просто ни разу не виделись. Семьи наши, так получилось, во вражде жили. Ну, отец мой – Светкиного отца брат. Так получилось...

– Шел бы ты – дядя, – отмахнулся Иван, и, пошатнувшись, ухватился за ряску отца Василия. – Не до тебя – видишь...

– Побойся бога, Ванька! – возникла откуда-то вездесущая соседка – тетка Дарья. – Это ж он все и организовал-то! И похороны по первому разряду, и поминки на две сотни ртов... У Светки-то, царствие небесное, ни гроша не обнаружилось, когда случилось-то! Если б не он – что б мы делали-то?!

– Ладно, – пьяно согласился Иван, протягивая блондину руку. – Спасибо. Я того... потом отдам – за все, – и показал рукой на подворье, заставленное столами. – А сейчас мне кое-куда надо – с попом...

– Вот, познакомься, – «дядя» подтащил Ивана к здоровенному мужлану, – это мой друг... Леша, короче. Он помогал...

– Иван, – жеманно представился Иван, пожимая железную клешню здоровяка. – Иван, – и потянул было руку «шкафчикам», переминающимся за спиной Леша. «Шкафчики» растерянно переглянулись.

– Обойдутся, – буркнул Леша, оттирая от них Ивана. – Им не положено. И это... ну его в задницу – Леша... Зови меня как все – Вовец. Так проще. А теперь пошли, что ли, по стакашку пропустим.

– У меня тут дело – пока без меня. – Иван опять вцепился в поповскую ряску. – Вовец... Ага – запомнил. А я быстро – туда-обратно. Щас приду.

– Дашка, забирай! – скомандовал отец Василий, отцепляя от себя Ивана и передавая его тетке Дарье. – Поведи его к своему – пушай насчет экспертизы расскажет.

– Так ведь... А щас садиться будут! – с надрывом крикнула тетка Дарья. – Как же садиться?

– Сядут без тебя как-нибудь. – Поп взял «дядю Сашу» под руку и направился с ним к воротам. – Иди – я, что ль, должен твоего красавца в чувство приводить?!

– Теть Даш, ты не переживай, – поморщился Иван, оставшись на улице с отчаянно закручивившейся соседкой. – Я понимаю – дядя Коля, как обычно, ужратый в зюзя – пока в чувство приведешь, пока то да се... Ты это – Шарика в будку закрой и иди, я сам. Шарик не сдох еще?

– Жив, – досадливо ответила соседка, высматривая кого-то в приближающейся толпе. – Щас, погоди... Аниська! Аниська – а ну, бегом сюда!

От толпы отделилась молодая рыжая бабенка и опрометью бросилась к ним. Разглядев ее, Иван удивленно присвистнул:

– Ну! Вот так Аниська! Вот это вымахала – прям я не знаю...

– Забирай, веди домой, – распорядилась тетка Дарья, передавая Ивана, как эстафетную палочку. – Батьку приведи в чувство – пусть насчет экспертизы расскажет. А я побежала, – и с места рванула в ворота, не оставив дочери времени для возражений.

– Забирай! – возмущенно воскликнул Иван. – Че ж я – сам не могу, что ли, – и тут же покачнулся – слегка повело в сторону.

– Щас, щас, – суетливо прошептала Аниська, ловко закидывая руку Ивана на плечо и таща его к соседнему дому. – Щас все сделаем, как надо. Стой, Шарика закрою, – и протиснулась в калитку, хватая за ошейник здоровенного ушастого кобеля, злобно рвущегося с цепи на Ивана.

– Не узнать тебя, Аниська, – бормотал Иван, пока деваха повела его в дом. – Три года назад ты того... совсем маленькая была, – отстранившись, он несколько секунд разглядывал

свою провозжатую, удивленно качая головой. Из голенастого подростка Аниська за три года сформировалась в приземистую грудастую бабенку.

– Восемнадцать лет как-никак, – деловито пояснила Аниська, заводя его в дом. – Период половой зрелости – это тебе не просто так!

– Период чего? – Иван опешил и смутился, но тут же его внимание переключилось на объект, более достойный внимания: на полу у дивана возлежал сам хозяин дома – деревенский фельдшер Николай. Нет, возлежал – это не совсем точно. Валялся, не подавая признаков жизни, – так будет вернее. – Очередной запой? – сочувственно пробормотал Иван, присаживаясь на диван. – По какому поводу?

– Мамку твою поминает. – Аниська уже вынырнула из прихожей с ведром воды в одной руке и коробкой нашатыря в другой. – Третий день – как случилось – не просыхая.

– Ясно, – понимающе протянул Иван. – Это по делу... Помочь?

– Тоже мне, помогальщик выискался! – Она кокетливо стрельнула в его сторону глазами и присела на корточки возле отца. – Сиди уж – сама...

После десятиминутной безуспешной возни стало ясно, что в данный момент процедура реанимации состояться не может – по вполне объективным причинам. Тело стало подавать признаки жизни – Аниська действовала весьма умело, выказывая богатый опыт в такого рода мероприятиях, – но голова отравленного алкоголем фельдшера напрочь отказывалась реагировать на любые раздражители окружающего мира.

– Во-о-оодки, – исторгали синюшные губы предсмертный хрип. – Во-о-оодочки-и-и... – и все – более никаких проявлений сознательного характера.

– Сволочь! – в отчаянии взвизгнула девушка, отирая вспотевший лоб ладошкой. – Господи, ну что за отец достался! Придется ждать до вечера, пока немного не проспитя...

– Водка есть? – деловито осведомился Иван.

– А как же! С твоей кухни целый ящик вчерась спер, – бесхитростно призналась она. – Говорит – в холодильник... Холодильник у вас сломался – как тетя Света померла. Ой, прости!

– Тащи бутылку, – скомандовал Иван. – Будем как обычно – клин клином.

– Не получится, – уверенно возразила Аниська. – Дадим водки – опять отрубится. Проверенное дело.

– Тащи, я сказал! – прикрикнул Иван. – Много ты понимаешь... Мне результат нужен – до зарезу.

Аниська сбегала на двор, в летнюю кухню, притащила бутылку «Столичной».

– Подделка, – грамотно определил Иван, свинчивая крышку. – Нет оттиска от транспортной ленты, и ярлык клеен сплошь – полосок нет. Ну да хрен с ним, покатит и так. – И, приподняв фельдшеру голову, приставил горлышко бутылки к разверстому в стене рту. Хозяин дома тут же намертво присосался к горлышку, четырьмя мощными глотками ополовинил бутылку, довольно икнул – и опять впал в бессознательное состояние.

– От ты ж гад, дядь Коля. – Иван виновато покосился на Аниську. – Ну чего ж ты так, а?

– Теперь до утра – труп, – победоносно изрекла она, отбирая у Ивана бутылку. – Слушать надо, когда женщина говорит!

– Ну и что теперь делать, женщина? – потерянно спросил Иван. – Ты не в курсе, хоть приблизительно – что там экспертиза показала?

– Я в курсе, и не приблизительно. – Аниська скромно потупила глазки и присела на краешек дивана. – Батяка мне все рассказал.

– Так че ж ты вола понужала?! – возмутился Иван. – На хера нам этот труп оживлять было? Сразу бы сказала...

– Каждый товар имеет свою цену, Ванечка. – Она жеманно скривила губы. – Тайна – тоже товар. Так что...

– Не понял... Ты че хочешь, девушка?! – Иван презрительно сощурился. – Бабки? Ну так ты скажи – я тебе заплачу!

– Не надо так опошлять, Ванечка! – сердито воскликнула Аниська, вновь скромно потупила глазки и вдруг бесхитростно призналась: – Замуж хочу – вот что...

– А-а-а, вот оно что! – ядовито протянул Иван. – Ну ты даешь, девушка... И ты, наверно, меня еще и любишь без памяти... Да? И в постельку уже не писаешься – большая... Ага?

– При чем здесь это? Не надо опошлять, Ванечка... Ты офицер, практически непьющий, зарабатываешь хорошо, симпатичный, дом у тебя – лучший на деревне, холостой... Или успел окрутиться где?

Ну что ж – резонно. На фоне всей этой деревенской пьяни он, видать, и правда самый завидный жених. Офицер, непьющий – практически... Хм... Дом. Дом действительно на зависть всей деревне: отец его хорошо зарабатывал и почти полжизни положил на этот дом – один кирпич чего стоит. Более того, из десятка телефонов, имеющих в деревне, один стоит у Андреевых – отец не пожалел денег, чтобы все было как у белых людей... Резонно...

– Нет, пока холостякую, – признался он, тяжело глядя на Аниську. – Пока... Только вот времечко ты выбрала для предложения не того... Понимаешь – горе у меня. Мать умерла.

– Понимаю, – скорбно вздохнула Аниська. – Только ведь и ты меня пойми – такой момент не всегда подвернется. Я о будущем думаю.

– «О будущем»! – передразнил Иван. – Я ж тебя не люблю, девушка! Ты посмотри на себя... Через пять лет вконец обабишься, будешь таким кругляшом по двору кренделя выписывать... А я люблю длинноногих и стройных. Поняла?

– А, это не беда. – Аниська беспечно махнула ладошкой. – Стерпится-слюбится... Ты ж постоянно в разъездах. Я буду хозяйство вести, детей растить, а ты мне будешь деньги присылать... А ежели где в городе каку лявру сгребешь – длинноногую, в кружевных трусиках, – так мне до одного места. Дело кобелиное, известное... Лишь бы трипак домой не приволок – вот и все проблемы... Ну что – берешь замуж?

– Беру, – наотмашь бросил Иван. – Все равно, когда-то надо будет... Давай – рассказывай.

– Э, нет – так дело не пойдет, родной мой, – хитро погрозила пальчиком Аниська. – Я тебе все расскажу, а ты потом откажешься. Знаем мы вас... Давай сначала ребеночка сделаем, потом расскажу, – и вдруг полезла руками к его ширинке, принялась неумело расстегивать пуговицы.

– Да пошла ты, дура! – испуганно отстранился Иван, вскочив с дивана. – Совсем, что ли, сдурела? Похороны! Мать умерла! Не врубаешься?!

– Одна жизнь уходит, другая – начинается, – менторским тоном изрекла Аниська, протягивая к нему руку. – Тетя Света померла, а мы ребеночка сделаем – смерти назло... Иди ко мне, мой хороший...

– Пошла ты! – со злостью воскликнул Иван и, держась за стенку, поплелся к двери. – Я не настолько пьян, чтобы в такой момент вдуть первой попавшейся деревенской шлюхе! Тоже мне – тайна! Щас пойду и в первом же дворе все узнаю!

– Ага, иди, мой хороший, иди, – покорно произнесла Аниська ему в спину. – Только ведь никто ничего точно не знает, кроме меня и бабки. Они тебе такого понарасскажут – за голову возьмешься! Да, во дворы можешь не заходить. Все у тебя – поминают. Они щас тебе расскажут – после пятого стакана... И еще, Ванечка... Я не шлюха. Я еще девочка, между прочим...

Он застопорился у входной двери. Опять резонно. На поминках он узнает кучу сплетен – не более того. Дрянь дело. Дрянь баба. Смышленная – не по годам.

– Сволочь ты, девочка, – горько резюмировал Иван, возвращаясь назад и расстегивая на ходу штаны. – Отца бы хоть постеснялась – вон он, отец-то...

– Да труп это, не отец. Пьянь болотная, – презрительно буркнула Аниська, поудобнее укладываясь на спину и задирая юбку: молочной белизной сверкнули мясистые ляжки, шарахнул по глазам нежно курчавившийся огненный треугольник. Она согнула ноги в коленях и, удерживая их руками, развела широко в стороны – на Ивана вопросительно уставилось бесстыдное женское естество, затаившееся под рыжими волосками.

– Дура ты, Аниська, – прохрипел Иван неожиданно севшим голосом, так и застыв на месте с приспущенными штанами. – Я это... Не мылся, почитай месяц – вонючий, как козел. Пьян я. Горе у меня... Ну, короче – не встанет щас у меня – я тебе отвечаю...

– Ну что ж ты на него наговариваешь? – проворковала Аниська, склонив голову набок и стрельнув глазами. – Вон какой – погляди! Давай – иди сюда...

Он опустил глаза и, к стыду своему, констатировал, что организм опять подвел его. Давненько организм не вкушал женской плоти, и теперь некоторый его фрагмент самовольно отреагировал, как положено в таких случаях, не спрашивая совета у левого полушария. В общем, эрекция место имела. Да и не просто эрекция, а – железобетонная, впору сваи забивать.

Стыдливо крикнув, Иван выпростался из штанов, глядя в сторону, взгромоздился меж широко разведенных Аниськиных бедер и с натугой, до упора вогнал непослушный фрагмент – куда природой предназначено. Аниська громко ойкнула. Иван на секунду замер, почувствовав, как с ходу пропорол какую-то тонкую упругую преграду и удивленно шепотнул:

– Да ты и впрямь того... Целка? Как так?

– Работай, работай – не отвлекайся, – болезненно морщась, пробормотала она. – Теперь уже не целка – все! Работай!

– Работаю, – послушался Иван, поудобнее вцепляясь в ядреные ягодицы – и пошел агрессивно дергать тазом, разрабатывая неосвоенную тесную расщелину...

Длительное воздержание, сами понимаете, не способствует продолжительности соития – даже на пьяную голову. Активно подержавшись с полминуты, Иван тихо зарычал и мстительно наполнил Аниськино нутро животворящей субстанцией. И отвалился в сторону, натягивая штаны.

– Ну вот и все – а ты боялся, – деловито заявила Аниська, словно занималась этим всю жизнь. Она одернула юбку и уселась рядом. – Теперь мы – муж и жена. Перед богом. Осталось зарегистрироваться... Когда регистрироваться пойдём?

– Когда хошь, – уставившись в стену, сказал Иван. – Теперь, если что и получится, будет даун, потому как спьяну... Давай – рассказывай...

Рассказывать, как оказалось, собственно, было нечего. Труп обнаружил поутру деревенский дурачок Мишка, частенько подъедавший у сердобольной матери Ивана. Обнаружил и побежал по соседям орать благим матом. Вызвали участкового, тот вызвонил из города опергруппу с судмедэкспертом. Свезли в город на экспертизу, а спустя малое время вернули обратно. Заключение – упала с крыльца и сломала шею. Все вроде бы чин чинарем, как говорит поп Василий. Никакого криминала, обычная бытовая травма с летальным исходом – справка есть. Но отец Аниськи, ездивший с опергруппой в город, по прибытии домой напился вдрызг и признался под пьяную руку дочери – под большим секретом, что дело тут не совсем чисто. За двадцать лет фельдшерской практики он всякого навиделся. Короче... если соседка и упала с крыльца, то предварительно кто-то сломал ей шейные позвонки, резко дернув голову против часовой стрелки. Вот...

– Не понял! – взвился Иван. – А почему в таком случае в справке не указали истинную причину?

– Батяка сказал – чтобы дело не заводить, – вздохнула Аниська. – Участковый всех подряд опросил – тишина. Посторонних не было в тот вечер в деревне. Говорит – дело дох-

лое, если искать. Ни в жизнь не найдешь. А дурачка подозревать – так все равно с него никакого спроса...

– Уроды. – Иван скрипнул зубами. – Вот уроды! Надо же, блин... А что дурак?

– Кричит что-то про демонов, глаза бешеные становятся. Кричит: «Демон, демон – ликом черен...». Дурак, он и есть дурак...

– Выходит, органы мою мать списали по-тихому, – нехорошо прищурился Иван. – Так получается?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Че делать-то думаешь?

– Че делать... Щас один хер – бухие все. – Иван кивнул в сторону распростертого на полу фельдшера. – Завтра с утра займусь. Участкового отловлю – допрошу. Вместе с твоим батькой. Бумагу заставлю написать. Это мы можем... Потом в город поеду – к начальнику милиции. Буду требовать, чтобы дело возбудили. Пусть эксгумацию делают, все как положено. А то я им тут такое устрою – похлеще Карабаха с Чечней. Это мы можем... Ладно, пошли к людям. Посидим, помянем...

Их появление на поминках сенсации не вызвало. За то короткое время, что он отсутствовал, общество успело многократно употребить водочки и задушевно всплакнуть. Теперь публика уже оживленно перекрикивала друг друга, хохотала, принимались даже что-то напевать – негромко пока, однако многие уже не соображали, по какому поводу собрались.

Иван возмущаться не стал – скромно подсел с Аниськой за один из столов, куда его пригласил дядя. Опять со всеми поручался – и с дегенератскими рожками, которым вроде бы не положено, – тоже, метнул подряд два стакана водки, закусил и сидел, уставясь в стол, поглаживаемый с одной стороны Аниськой и загружаемый с обратной стороны «дядей Сашей».

«Дядя» толковал о каких-то серьезных вещах, о чем-то горячо спорил с Аниськой. Иван некоторое время односложно отвечал на его вопросы, потом вдруг уловил, что речь идет о предмете, его интересующем, и напрягся. Сконцентрировался, прислушался сквозь алкогольный морок...

– Не пушу – нам и здесь неплохо, – упорствовала Аниська. – Какие кавказцы? Это ж далеко!

– Это кажется, что далеко, – не сдавался «дядька». – А когда увидишь, что они рядом, – поздно будет. У нас всегда так – пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

– Насчет чего это вы? – удивился Иван. – Какие кавказцы?

– Да ты все прослушал, – досадливо нахмурился «дядька». – Я говорю – уехать тебе пока надо. Ко мне – у меня дача за городом есть, там лес, тишина и все такое прочее... Понятно почему?

– Понятно, – мотнул головой Иван и подозрительно прищурился. – Че ж не понять-то... Я сразу смикитил, когда ты с собой этих бугаев притащил... Дом забрать хотите?! Ишь, доброхоты выискались! Знаем мы такие приколы – сначала заплатили за все: похороны – поминки, туда-сюда... А потом – раз! – бабки отдавай, милый! А нету – дом отдай. А поздно! Дом Аниське отдаю – вот ей. – Он обнял свою подружку и пьяно чмокнул в щеку. – Попробуйте-ка, отберите у нее... Вся деревня в топоры встанет! Да вам на танке отсюда не выбраться! – Иван привстал и гаркнул, подняв наполненный стакан: – Верно я говорю, селяне?!

– А-а-а-а!!! О-о-о-о!!! – одобрительно заревело застолье – тотчас же несколько десятков стаканов взметнулось в гору. – Порубаем на хер! В клочки порвем! Давай – кого?! А-а-а-а!

– О! А вы говорите... – удовлетворенно констатировал Иван, сядя на лавку и поставив стакан на стол. – Так что – никуда не поеду я с вами. Хрен по всей морде – чтобы голова не качалась. Вопросы?

Вовец и «дядя Саша» переглянулись. Вовец пожал плечами и потащил из кармана плоскую бутылку коньяку. Поставил на стол, извлек шоколадку...

– Да при чем здесь дом? – удивленно воскликнул «дядя Саша». – Мне твой дом на хер не нужен – можешь спалить его к чертовой бабушке... О тебе забочусь ведь, дуралей... Я тут вращаюсь кое в каких кругах, кое-что знаю... Короче, кавказцы тебя ищут. Ты вот только сегодня приехал, а мне уже позвонили и предупредили – могут быть инциденты... Теперь, надеюсь, понятно, почему тебе отсюда убраться надо? А он – «дом»! Ха! Ну, ты фрукт, парень... Короче, поехали, отдохнешь у меня – там безопасно... А?

– Хер его знает, дядя. – Иван недоверчиво пожал плечами, придвигая к себе стакан с водкой. – Ты знаешь – я этих ребят никогда особенно не боялся, даже будучи на их земле... А уж здесь, дома... Не, не поеду, – и потащил стакан ко рту.

– погоди, мужик, хорош эту гадость глотать, – остановил его Вовец, свинчивая пробку с плоской бутылки. – Давай – вмажем по коньячку. Гарантирую – ты никогда такого коньяка не пробовал. Это «Багратион», специальный заказ из Кизляра, – и тут же плеснул в чистые стаканы, подвинул один к Ивану, зашуршал фольгой, разворачивая шоколадку.

– Мужики в поле пашут, братуха, – болезненно поморщился Иван, наблюдая за его пальцами. – И это... ты того – не шурши, а?

– Не понял! – грозно нахмурился Вовец. – Это я-то шуршу?! Да я за всю жизнь ни перед кем...

– Фольгой не шурши, – поправился Иван. – У меня на нее это... идио... идиосинкрзия. Доступно?

– А-а-а – вона! – облегченно вздохнул Вовец, выбрасывая фольгу под стол. – В смысле, аллергия... А че так?

– Да так. – Иван опять поморщился. – Там у нас одно время было дело – «двухсотых» в фольгу заворачивали. Цинки кончились, ну и... В общем – не переносу.

– Ясно, – понимающе кивнул Вовец, подвигая к нему стакан с коньяком. – Ну давай – будем.

– Будь, – разрешил Иван, отвергая угощение и поднимая свой стакан с водкой. – А я как-нибудь так – водочкой, – и в три глотка осушил стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.